

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ №1 NEW YORK TIMES

ДЖЕЙМС
РОЛЛИНС

ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ, ТРИЛЛЕР И САСПЕНС ПО ВЕРСИИ AMAZON

ЦАРСТВО
КОСТЕЙ

Отряд «Сигма»

Джеймс Роллинс

Царство костей

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

Роллинс Д.

Царство костей / Д. Роллинс — «Эксмо», 2022 — (Отряд «Сигма»)

ISBN 978-5-04-178586-4

Выбор Amazon в категории «Лучший детектив, триллер и саспенс» Новинка в серии бестселлеров о спецотряде «Сигма» Сердце Африки, Конго. Международная медицинская бригада сделала шокирующее открытие. Нечто неведомое заражает здесь людей, погружая их в состояние глубокого ступора, делая невосприимчивыми к внешнему миру. Одновременно гипер-эволюционируют растения и животные, на глазах становясь все более враждебными человеку. Катастрофа, угрожающая континенту и в конечном счете всему миру, исходит из глубоких джунглей — места, которое аборигены считают проклятым и называют Царством костей. Почему биосфера сходит с ума? Из-за внутренних причин? Или, что еще хуже, из-за искусственного воздействия? Это должны выяснить члены спецотряда «Сигма», умудрившись не стать жертвами биологической угрозы. Вскоре им предстоит открыть оглушающую правду о сути человеческого вида и судьбе, которая его ждет. Но сейчас главное — не допустить превращения всей планеты в бесконечное Царство костей... Джеймс Роллинс — самый продаваемый автор приключенческих триллеров, создатель многочисленных бестселлеров № 1 по версии «New York Times», разошедшихся по всему миру тиражом 20 миллионов экземпляров и переведенных на 40 языков. «Роллинс — это то, что получается, если поместить Дэна Брауна и Майкла Крайтона в адронный коллайдер». — New York Times «Роллинс — безусловный лидер в том жанре художественной литературы, где сюжет строится на современном научном поиске тайных истин в останках погибших цивилизаций». — Wall Street Journal

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-178586-4

© Роллинс Д., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Благодарности	7
Примечания научного порядка	9
Примечания исторического порядка	11
Σ	13
Часть первая	18
1	18
2	26
3	34
4	42
5	50
6	55
7	65
Часть вторая	71
8	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Джеймс Роллинс

Царство костей

James Rollins

KINGDOM OF BONES

Copyright © 2022 by James Czakowski

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*Всем врачам и младшему медицинскому персоналу, всем
сотрудникам больниц и клиник по всему миру, столь самоотверженно и
героически трудившимся во время пандемии: спасибо вам*

Благодарности

Лори Андерсон, одна из моих любимейших певиц и композиторов, как-то написала песню под названием «Язык – это вирус». Если она права, то любая книга должна быть переносчиком этого вируса. Так что первым делом благодарю группу своих первых читателей-критиков, которые помогли довести язык-вирус этого романа до наиболее сильнодействующей и заразной его формы: Криса Кроу, Ли Гаретта, Мэтта Бишопа, Мэтта Орра, Леонарда Литтла, Джуди Прей, Кэролайн Уильямс, Сэди Девенпорт, Салли-Энн Барнс, Денни Грейсона и Лайзу Голдкул. Отдельное спасибо Стиву Прею за подробные карты Конго, а также Дэвиду Сильвиану – за всю его усердную работу и преданность цифровым технологиям. Не могу не упомянуть добрым словом Шери Маккартер, которая поделилась со мною множеством идей и любопытных исторических и научных фактов, часть из которых можно найти на этих страницах. Естественно, ничего из этого не произошло бы без замечательной команды профессионалов книжной индустрии, которых вряд ли кто-то способен превзойти. Огромное спасибо всем сотрудникам издательства «Уильям Морроу» за то, что всегда поддерживали меня во всех моих начинаниях, а особенно Лайет Стелик, Хейди Рихтеру, Кейтлин Херри, Джошу Марвеллу, Ричарду Аквану, Кейтлин Гэринг, Андреа Молитору и Райану Шеперду. И наконец, конечно же, моя особая признательность тем людям, которые играют важную роль на всех стадиях книжного производства: моему уважаемому редактору, Лиссе Койш, и ее энергичной коллеге Мирайе Чирибога; а также, за всю их усердную работу, моим агентам, Рассу Гэлену и Денни Бэрору (равно как и его дочери Хизер Бэрор). И, как всегда, должен подчеркнуть, что любые фактические ошибки в этой книге – коих, как я надеюсь, не слишком много – целиком и полностью на моей совести¹.

¹ Переводчик настоятельно просит обратить внимание на это предупреждение автора – особенно читателей, неплохо подготовленных в различных областях науки и техники.

Примечания научного порядка

Данное произведение представляет собой очередную мою попытку еще более углубиться в изучение причудливой биологии вирусов – а именно того, как эти крошечные заразные частички связывают всю жизнь на нашей планете подобно огромной невидимой сети. Замысел этого романа возник у меня еще задолго до того, как коронавирус стал неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, а COVID-19 перерос в глобальную пандемию. Я даже сомневался, стоило ли мне вообще дописывать этот роман, когда это бедствие распространилось по всему земному шару. Мне это представлялось парадигмой гордыни – создавать некий вымышленный смертоносный вирус, тогда как реальность стала страшней любого художественного вымысла. Казалось нетактичным затрагивать подобную тему в такой момент, пытаться развлекать людей придуманной «эпидемической катастрофой», когда подобная катастрофа и в самом деле грозила всему населению планеты.

Поскольку сейчас вы держите эту книгу в руках, то уже знаете, чем закончились мои метания. Почему? Во-первых, я должен признать, что уже затрагивал «пандемические» угрозы в своих предыдущих романах («Седьмая казнь», «Шестое вымирание»). И у меня не было намерения повторяться. Главной задачей этого романа было не столько дать картину *бедствия* как такового, сколько поглубже заглянуть в *источник* – во многом непознанную биологию вирусов. Это была тема, которая, по моему мнению, могла заинтересовать читателей – и которая стоила того, чтобы обратиться к ней именно сейчас.

В ходе моих исследований для этого романа я выяснил, насколько и в самом деле необъяснимы, разнообразны и вездесущи вирусы по своей природе. Каждый день триллионы вирусов в буквальном смысле дождем валятся на нас с неба. Каждый час на каждый квадратный метр нашей планеты выпадает около тридцати трех миллионов вирусных частиц². Но и при таком изобилии вирусы все равно остаются загадкой. Даже сегодня о биологии вирусов известно куда меньше, чем о любой другой форме жизни³. Вдобавок ученые полагают, что существуют миллионы, если даже не триллионы разновидностей вирусов, которые еще только предстоит открыть.

И все же то, что нам сейчас все-таки известно про вирусы, – это насколько глубоко они вплетены в историю нашей эволюции. Их генетический код глубоко упрятан в нашей собственной ДНК. По расчетам ученых, от 40 до 80 процентов человеческого генома может происходить от древних вирусных инвазий⁴. И речь не только про нас. Результаты последних исследований показывают, насколько тесно вирусы внедрились вообще в мир живой природы. Это тот цемент, на котором и держится жизнь. Вообще-то исследователи теперь практически не сомневаются, что вирусы способны предоставить ключ к происхождению всего живого на Земле – они могут быть самими двигателями эволюции, а не исключено, что даже и источниками человеческого разума⁵.

Так что, хотя эта книга и не является «пандемическим романом» по сути своей, я уверен, что изложенный в ней сценарий развития событий может показаться читателю еще более угрожающим, чем просто описание вспышки некоего смертоносного заболевания.

Почему?

² «Триллионы триллионов вирусов падают с неба каждый день», Джим Роббинс, «Нью-Йорк таймс» от 13 апреля 2018 г. Здесь и по с. 15 – прим. авт., если не указано иное.

³ «Добро пожаловать в виросферу», Джонатан Р. Гудман, «Нью-сайентист», 11 января 2020 г.

⁴ Роббинс, указ. соч.

⁵ «Древний вирус может быть ответственен за человеческое сознание», Ральф Лецтер, «Лайв сайенс», 2 февраля 2018 г.

Да потому что вот последнее предостережение, которое я слышал от ученых: «Вирусы – и те, что в природе, и внутри наших тел – еще не закончили изменять нас, модифицировать нас».

И они продолжают делать это прямо сейчас – в тот самый момент, когда вы читаете эти строки.

Примечания исторического порядка

«Ужас! Ужас!»

Таковы предсмертные слова Курца, главного злодея в романе Джозефа Конрада «Сердце тьмы». Звучат они в тот момент, когда Курц осознает масштаб тех зверств и жестокостей, которым он подверг коренное население африканского Конго. Это также и предостережение всем нам – тьма может таиться в сердце у каждого из нас.

Конрад написал это произведение, впервые опубликованное с продолжением в трех частях в журнальном варианте в 1899 году, на основе своего личного опыта в качестве капитана парохода на реке Конго, где он лично стал свидетелем жестокостей колониального правления Свободного государства Конго⁶, которое он описывает как «самая гнусная драка за добычу, которая когда-либо обезображивала историю человеческой совести»⁷. Меньше чем за десять лет в результате действий колонизаторов погибли десять миллионов коренных конголезцев. Вот как это описывает британский исследователь Юарт Гроган: «Все деревни до единой были сожжены дотла, и когда я бежал из этой страны, то повсюду видел скелеты, и в таких позах... Какие ужасные истории они рассказывали!»⁸

С чего же начались все эти зверства?

Как это ни печально, но все это оказалось связано с развитием медицины и техники. Впервые, с открытием в начале девятнадцатого века хинина – противомаларийного средства, которое открыло сердце континента всему остальному миру. Португальские и арабские работорговцы уже и до того рыскали по просторам Конго, но с появлением лекарства от малярии началась великая эпоха европейской колонизации. Северные территории Конго сразу же захватили французы, а король Бельгии Леопольд II прочно закрепился на миллионе квадратных миль южной половины страны – это примерно треть площади континентальных Соединенных Штатов, – за счет кабальных договоров с местными племенами, расчетом в которых со стороны эмисаров короля мог быть просто кусок цветастой ткани или какая-нибудь яркая побрякушка⁹.

Потом настал черед технического новшества под названием «пневматическая шина» – изобретения шотландского ветеринара Джона Бойда Данлопа. Результатом стали активные поиски источников сырья для производства резины, сравнимые с «золотой лихорадкой», а каучуконосы Конго и оказались его основным источником. Стало вдруг крайне выгодно эксплуатировать и брать в рабство обитателей конголезских деревень. Король Леопольд установил строгие нормы на объем каучука и слоновой кости, поставляемых каждой деревней. Ценой за любую недостачу была потеря руки. За короткий период времени отрубленные человеческие руки стали в Свободном государстве Конго в некотором роде валютой, равно как отсеченные уши, носы, гениталии и даже головы. Вдобавок бельгийские эмисары регулярно устраивали невиданные акции устрашения, включая распятия на кресте и повешения мужчин, женщин и детей¹⁰.

⁶ Свободное или Независимое государство Конго (*фр.* État indépendant du Congo) – государство в Африке, существовавшее в 1885–1908 гг. и являвшееся «личным владением» короля Бельгии Леопольда II. При этом государство было формально независимым от правительства Бельгии. Период существования страны отличался жестоким режимом эксплуатации местного населения. В настоящее время на территории бывшего Свободного государства Конго находится Демократическая Республика Конго. Предыдущее название – Заир (1971–1997 гг.). – *Прим. пер.*

⁷ «Навеки в цепях: трагическая история Конго», Пол Уэлли, «Индепендент», 28 июля 2006 г.

⁸ Роберт Эджертон, «Истерзанное сердце Африки: история Конго» («Сент-Мартин Пресс», 2002 г.), с. 137.

⁹ Уэлли, указ. публ.

¹⁰ Там же.

Все эти зверства, о которых никому не сообщалось, сходили им с рук более десяти лет и в итоге со временем привели к смерти от убийств и голода половины коренного населения Конго. В то время как роман Конрада послужил литературным средством, в конце концов поведавшим остальному человечеству об этих зверствах, во многом это заслуга и миссионеров – в частности, одного американца, чернокожего пресвитерианского священника Уильяма Генри Шеппарда, который открыл миру правду о тех ужасах, от которых страдали коренные конголезцы во время его пребывания миссионером в тех краях¹¹.

Но все эти изуверства были не единственными «ужасами», с которыми преподобный Шеппард столкнулся в те кровавые времена. Другой его рассказ был надолго похоронен под россыпями костей. Это история, привязанная к картам, реликвиям и мифам, про еще одного чернокожего христианского патриарха в Африке.

Большинству людей эта история была неизвестна.

До настоящего момента.

¹¹ Эджертон, указ. соч., с. 143.

Σ

Разум человека на все способен, ибо он все в себя включает, как прошлое, так и будущее.

Джозеф Конрад. «Сердце тьмы»

И вновь я выволакиваю на сцену единственного настоящего злодея во всем моем повествовании: гипертрофированный человеческий мозг.

Курт Воннегут. «Галапагосы»

14 октября 1894 года

Округ Касаи, Свободное государство Конго

Преподобный Уильям Шеппард молча возносил молитву Господу, дожидаясь, пока каннибал закончит затачивать зубы. Туземец из племени басонге склонился над костром, держа в одной руке надфиль, а в другой – зеркальце. Придав последнему треугольному резцу окончательную остроту, он восхищенно улыбнулся делу своих рук, после чего наконец выпрямился.

Едва ли не семифутового¹² роста каннибал башней возвышался над Шеппардом. Одет он был по здешним меркам более чем франтовато: в длинные штаны, надраенные сапоги и застегнутую на все пуговицы рубашку. Его легко можно было бы принять за одноклассника Шеппарда по Южной пресвитерианской теологической семинарии для цветных мужчин в Таскалусе¹³, которую закончил сам преподобный. Только вот по обычаю своего людоедского племени великан сбрил брови и выщипал ресницы, что придало ему еще более угрожающий вид, особенно в сочетании с остроконечными, как у акулы, зубами.

Шеппард обливался потом в белом льняном костюме с галстуком и белом же пробковом шлеме. Ему пришлось задрать голову, чтобы посмотреть предводителю Запапо-Зап в лицо. Это воинственное племя являлось основным союзником бельгийских колониальных сил и фактически представляло собой личную армию короля Леопольда. Пользующиеся недоброй славой Запапо-Зап получили название по треску выстрелов своих многочисленных стволов. Шеппард заметил длинную винтовку, свисающую с плеча каннибала. Интересно, подумал он, сколько ни в чем не повинных людей были убиты из этого единственного ствола.

Входя в деревню, Шеппард сразу заметил десятки облепленных мухами трупов. Судя по обугленным костям, множество других уже были съедены. Поблизости один из соплеменников вождя сосредоточенно отрезал окровавленный шмат мяса от отсеченного человеческого бедра. Другой заталкивал скатанные в трубочку табачные листья внутрь лишенного мозга черепа. Даже на костре, отделявшем преподобного от предводителя каннибалов, над язычками пламени коптились несколько отрезанных рук, насаженных на бамбуковые палочки.

Шеппард из всех сил старался не обращать внимания на все эти ужасы, но все его чувства подвергались серьезному испытанию. Тучи черных мух гудели в воздухе. Вонь горелой плоти застряла в ноздрах. Чтобы удержать поднимающуюся к горлу желчь, он не сводил глаз с каннибала. В его ситуации не было смысла возмущаться происходящим или выказывать какую-либо брезгливость.

Шеппард медленно заговорил, зная, что каннибал понимает и по-английски, и по-французски, хотя ни на одном из этих языков не говорит бегло.

– М'лумба, мне очень нужно переговорить с капитаном Депре. Крайне важно, чтобы он меня выслушал.

¹² 7 футов – 213 см. Здесь и далее – прим. пер.

¹³ Таскалуса – город в США, на западе штата Алабама, центр округа Таскалуса.

Великан пожал плечами.

– Он не здесь. Он ушел.

– Ну а Колляр или Реми?

Опять пожатие плеч, но лицо дикаря заметно омрачилось.

– Ушли с *капитэн*.

Шеппард нахмурился. Депре, Колляр и Реми – все офицеры бельгийской армии – и привели Заппо-Зап в этот округ. Шеппард познакомился со всей троицей после того, как основал христианскую миссию на реке Касаи, притоке полноводной Конго. Отсутствие бельгийцев было чем-то необычным, особенно когда их отряд собирал «каучуковую дань» с деревни – хотя не то чтобы кто-то из этих офицеров стал бы препятствовать творящимся при этом зверствам. Вообще-то сама эта троица и поощряла подобную жестокость. Депре даже повсюду таскал с собой кнут из кожи бегемота, который по малейшему поводу пускал в ход, вырывая им клочья плоти из своих жертв. Последнюю пару месяцев капитан вел свой окончательно сорвавшийся с поводка отряд вдоль реки Касаи, терроризируя деревню за деревней и непреклонно продвигаясь к северу.

Как раз по этой причине Шеппард и оставил свою миссию в Ибандже, отправившись на поиски отряда. Другое конголезское племя, бакуба, отправило посланника от своего царя с мольбой к Шеппарду, прося преподобного предотвратить появление кровожадных Заппо-Зап на их территории. Он не мог отказать в подобной просьбе. Два года назад Шеппард стал первым иностранцем, которому было позволено посетить царство бакуба – в основном потому, что он озаботился выучить их язык. После того, как преподобный доказал свободное владение им, при царском дворе его приняли весьма благосклонно. Он выяснил, что народ это честный и трудолюбивый, несмотря на свои верования в колдовство и царя, у которого оказалось семьсот жен. И хотя обратить в христианство никого из племени ему не удалось, он все равно считал их бесценными союзниками в этих враждебных краях.

«А теперь им нужна моя помощь».

Он мог, по крайней мере, попробовать решить этот вопрос с Депре – убедить бельгийского капитана избавить народ бакуба от распространения этой бойни.

– А куда направились Депре и остальные? – спросил Шеппард.

М'лумба посмотрел на восток, за реку Касаи, которая медленно текла неподалеку. Выругался на банту и злобно плюнул в ту сторону.

– Я сказал им не ходить туда. Это место *алааниве*.

Шеппард знал, что на банту это слово означает «проклятый». А еще понимал, насколько прочно укоренились среди местных племен всякие суеверия. Они верили в духов и призраков, в заклинания и волшебство. В качестве миссионера он находил практически невозможным прорваться сквозь эту пелену языческих верований и заменить их светлым словом Господним. И все же не оставлял попыток, в то же время выступая в роли летописца творящихся здесь ужасных деяний, вооруженный лишь Библией и громоздкой фотокамерой «Кодак».

Шеппард расстроенно нахмурился. Он знал, что привлечь всех троих офицеров могло лишь что-то очень значительное.

– М'лумба, а почему ушли Депре и остальные? Что они ищут?

– *Панго*, – буркнул каннибал, что на банту означало «пещеру» или «яму». А потом, насупившись, изобразил, будто роет лопатой землю, поглядывая на Шеппарда – понял ли тот.

Шеппард прищурился, после чего и вправду понял.

– Ты хочешь сказать, шахту?

М'лумба коротко кивнул.

– *Oui*. Шахту. В плохом месте. *Мфуна Уфалме*.

Шеппард уставился через реку, мысленно переводя последние слова каннибала.

«В Царстве Костей...»

Хотя название звучало зловеще, Шеппард не придавал ему особого значения. Он знал, что в непроходимых джунглях осталось еще множество неисследованных мест. Вообще-то говоря, он и сам открыл неизвестное картографам озеро и через пару-тройку месяцев был даже приглашен в Лондон, в Британское королевское географическое общество, чтобы обсудить это открытие. И все же куда распространенней суеверий, цветущих пышным цветом в этих краях, были слухи о сокровищах и неведомых царствах, затерянных где-то в самой глубине джунглей. Где в итоге и находили свою погибель многие из тех, кто соблазнился подобными сказками.

«А теперь, похоже, еще и трое бельгийцев».

– Зачем они ищут эту шахту? – спросил Шеппард. – Что рассчитывают там найти?

Повернувшись, М'лумба гаркнул что-то своему престарелому соплеменнику со сплошь татуированным лицом, что выделяло его среди прочих как *мганга*, или же колдуна-целителя. Запо-Зап никогда не передвигались по стране без шамана, который отпугивал от них *висука* и *рохо* – мстительных призраков и духов тех, кого они убили и съели.

Иссохший старик присоединился к ним. На нем были лишь узенькая набедренная повязка и ожерелье, украшенное резными фигурками из слоновой кости и деревянными амулетами. Губы его лоснились после недавнего пира. М'лумба что-то требовательно спросил у *мганги* на каком-то диалекте басонге, так что Шеппард ничего не смог разобрать.

Наконец шаман насупился и принялся перебирать перепутанную массу амулетов у себя на шее. Снял с шеи заплетенную косичкой петлю, с которой свисал единственный талисман – маленький металлический диск, размером не больше ногтя большого пальца. Старик потряс им перед М'лумбой, который выхватил его и передал Шеппарду.

– *Капитэн* Депре нашел это. На шее у другого *мганга* из этой деревни. *Капитэн* стегал и стегал кнутом, чтобы заставить его говорить. Крики две ночи. А потом *мганга* рассказал ему, откуда это.

– Из Мфуа Уфалме... – пробормотал Шеппард. Из Царства Костей.

М'лумба, скривившись, кивнул, явно чем-то недовольный.

Шеппард изучил амулет. Похоже, это была монета, почерневшая от времени, с просверленной посередине дырой, через которую и был продет витой шнурок. Одна сторона была достаточно потерта, чтобы открыть сияние золота.

Шеппард ощутил, как наваливается отчаяние.

«Не удивительно, что Депре был так жесток...»

Для такого порочного человека предвкушение золота должно сиять гораздо ярче, чем любые нормы на слоновую кость или каучук. При всех слухах о потайных городах и сокровищах, спрятанных в джунглях, ни один не мог сильней разжечь вождение алчного человека, чем история о затерянном где-то золоте. Кладоискатели веками прочесывали джунгли, выискивая такие сокровища. По-прежнему передавались из уст в уста легенды о золотых копиях, вырытых исчезнувшими римскими легионами или даже ветхозаветными воинами царя Соломона.

Шеппард вздохнул, слишком хорошо зная, сколько авантюристов погибли в ходе таких вот безрассудных вылазок. Он уже начал опускать золотой кружок – когда отблеск солнечного света вдруг проявил какие-то буквы на другой стороне монеты. Он опять поднял ее к глазам и наклонил, открывая полустертую надпись. Как следует присмотрелся, и тут глаза его пораженно распахнулись. Чтобы окончательно убедиться, преподобный потер монету, открыв имя, написанное на латыни.

Presbyter Iohannes.

Пальцы сами собой еще крепче сжали золотой кружок.

«Не может такого быть...»

Хотя имя было на латыни, Шеппард сразу понял, что эта золотая монета не была отчеканена каким-то римским легионом. И золото для нее не было добыто воинами царя Соломона.

Нет, то, что на ней было написано, намекало на *совсем другую* историю, столь же фантастическую, как и все остальные.

– Пресвитер Иоанн... – пробормотал он, переводя с латыни.

Про могущественного христианского «царя-попа», царство которого некогда якобы процветало в Африке, Шеппард узнал еще во время учебы в семинарии. В соответствии с текстами, датирующимися двенадцатым веком, пресвитер Иоанн почти в течение века правил древней Эфиопией. Утверждалось, что он – чернокожий потомок Бальтазара, один из трех волхвов, пришедших поклониться родившемуся в Вифлееме младенцу Иисусу. Молва приписывала царству пресвитера Иоанна не только астрономическое богатство, но и владение множеством тайных знаний – легенда даже связывала его с Источником вечной молодости и так и не найденным Ковчегом завета Господня. Многие века европейские правители пытались отыскать этого достославного персонажа. Посылали эмиссаров, многие из которых бесследно исчезли в джунглях и так и не вернулись назад. Даже Шекспир упомянул этого загадочного патриарха в своей пьесе «Много шума из ничего».

Однако большинство нынешних историков скептически отмечают это предание про черного христианского царя, правящего на безбрежных просторах Африки, считая его не более чем мифом.

Шеппард не сводил взгляда с имени, отчеканенного на золоте. Ему хотелось воспринимать то, что он держал в руках, как некоего рода фальшивку. И все же, будучи сыном раба, он не мог так поступить. Вместо этого преподобный ощутил трепет родства с этой легендой, с еще одним чернокожим христианином, жившим много веков тому назад.

«Может ли быть хоть сколько-то правды за всеми этими историями?»

И хотя предвкушение золота вполне могло заманить в лес капитана Дебре, Шеппард не мог противиться своему собственному стремлению – не к богатству, а к *истории*, на которую намекала эта монета.

Опустив талисман, он повернулся к М'лумбе.

– И давно уже нет Дебре и остальных?

Тот покачал головой.

– Двенадцать дней. Они взяли с собой двадцать человек. – В злобно искажившемся рту сверкнули остроконечные зубы. – И моего брата, Нзаре. Я говорил ему не идти. Но *капитэн* заставил его.

Шеппард почувствовал, что в этом и крылся корень ярости каннибала – чем можно было воспользоваться.

– Тогда давай заключим *мкатаба*. Строго между нами.

Безволосые брови М'лумбы настороженно сошлись на переносице.

– *Нини мкатаба?*

Шеппард приложил руку к рубашке, накрыв сердце.

– Я отправлюсь в Мфуа Уфалме и приведу тебе твоего брата – но только если ты поклянешься, что ты и твои люди останетесь здесь и не отправитесь дальше в земли бакуба.

М'лумба обвел взглядом руины деревни, размышляя над предложением.

– Дай мне три недели, – умоляюще добавил Шеппард.

Рот М'лумбы лишь скривился еще сильнее.

Шеппард напряженно ждал ответа. На худой конец, эти недели могли бы дать обитателям деревень на территории бакуба возможность покинуть родные места и укрыться в лесу. Он молился, чтобы предложенный им неравный обмен фигур помог защитить эти пятьдесят тысяч душ от предстоящего варварства.

Наконец М'лумба поднял три пальца.

– *Тату* недель. Мы останемся. – Он бросил взгляд на раскиданные вокруг трупы. – А потом я опять проголодаюсь.

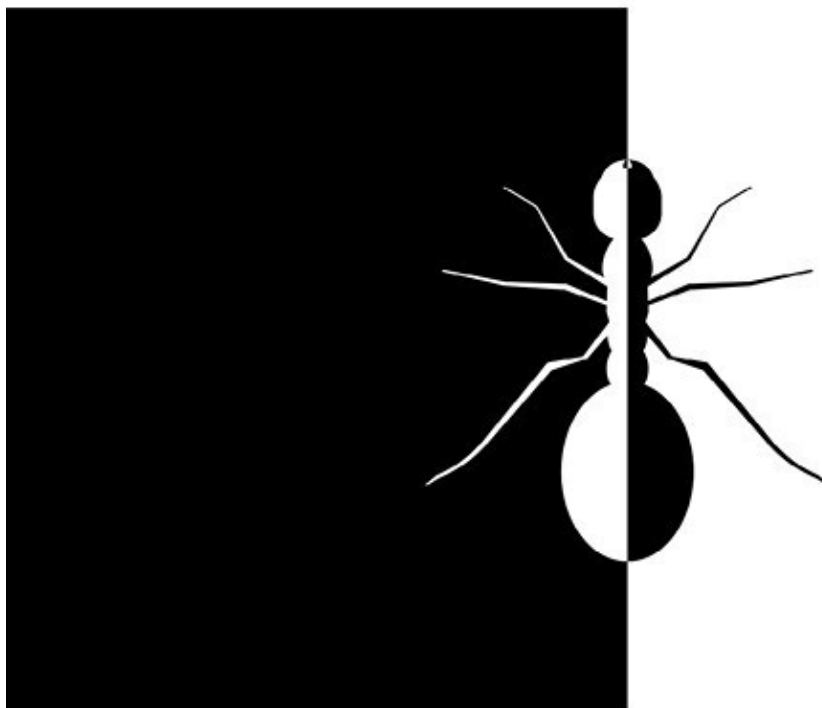
Шеппард невольно содрогнулся от омерзения при угрозе, прозвучавшей в этих последних словах. Представил себе ухоженные улочки столичной деревни бакуба, уставленные статуями предыдущих царей и наполненные смехом женщин и детей. Представил себе, как эти счастливые звуки сменяются криками боли, а по чистеньким улицам текут потоки крови.

Он посмотрел через реку Касаи на темные джунгли за ней. Преподобный не знал, есть ли там и вправду какая-то затерянная золотая шахта. Он даже сомневался, соответствует ли истине латинская надпись на монете. И явно не верил в какие-то древние проклятия, уходящие своими корнями в Царство Костей.

Но вонь горелой плоти напомнила ему одну непреложную истину.

«Мне нельзя их подвести».

Часть первая Вторжение

1

*23 апреля,
07:23 по центральноафриканскому времени
Провинция Чопо,
Демократическая Республика Конго*

Пробудил Шарлотту Жирар жгучий укус какого-то насекомого, вернув ее к грубой реальности. Ей снилось, будто она плавает голая в бодряще прохладном бассейне загородного поместья своих родителей на Французской Ривьере. Хлопнув себя по шее, она резко села под пологом жаркого, пропитанного влагой шатра. Воздух душил и затоплял, как болото. Вдруг еще один укус в тыльную сторону другой руки. Вздвогнув, Шарлотта потрясла ладонью, запутавшись в москитной сетке вокруг раскладушки.

Выругавшись по-французски, высвободила руку. Уставилась на виновника, ожидая увидеть одну из кусачих черных мух, наводнивших ооновский лагерь для беженцев. Но на запястье у нее сидел красно-черный муравей – длиной с ноготь большого пальца. Его жвала глубоко впились в ее плоть.

Пораженная, она щелчком сбила насекомое в сетку, где то полезло вверх по марле. С глухо забившимся сердцем продралась сквозь занавеси вокруг раскладушки. Цепочки ползущих муравьев тянулись по полу спального шатра, зигзагом поднимались по стенам.

«Откуда они тут взялись?»

Достав сандалии, Шарлотта перевернула их и постучала о землю, вытряхнув еще несколько заблудившихся муравьев, а потом на цыпочках прошла по полу, похожему на ожившую географическую карту. К счастью, одеваться не пришлось – накануне она завалилась спать прямо в голубой медицинской униформе и белом жилете.

На ходу мельком глянула на себя в стоячее зеркало, на миг шокированная собственной внешностью. Ей не исполнилось еще и тридцати, но выглядела она лет на десять старше. Свои черные волосы Шарлотта обычно стягивала в практичный хвостик на затылке, но сейчас он весь разлохматился и покосился – распустить его перед сном она тоже не удосужилась. Глаза у нее были все еще припухшие, с темными кругами под ними от непроходящей усталости. Кожа на лице облупилась после многих дней, проведенных на солнце. Ее косметолог на Монмартре пришла бы в ужас, но здесь, в тропическом лесу, у нее не было времени для изысков вроде кремов от загара и увлажняющих лосьонов.

Прошлым вечером, уже хорошо после полуночи она без сил свалилась на свою раскладушку. Шарлотта была самым молодым из четырех членов медицинской бригады организации *Médecins Sans Frontières* – «Врачи без границ», работающей в лагере. Медперсонала катастрофически не хватало, а в расположенный в большой деревне лагерь вливались все новые толпы беженцев, пока джунгли к востоку продолжало затапливать практически непрекращающимся ливнем.

Восемь дней назад ее забросили сюда вертолетом из города Кисангани, где она одно время работала консультантом в рамках программы «Здоровые деревни» ЮНИСЕФ¹⁴ – в основном на подхвате. Но здесь, в лагере, сразу пришлось впрячься по полной. Всего два года назад закончив ординатуру по педиатрии в Сорбонне, Шарлотта решила как-то отплатить за науку, подав заявление на годичную стажировку с «Врачами без границ». В тот момент это представлялось замечательным приключением – тем, что она была решительно настроена испытать, перед тем как погрузиться в рутинные будни какой-нибудь клиники или больницы. Вдобавок часть своего детства она провела в соседней Республике Конго¹⁵, в ее столице Браззавиле, и с тех самых пор всегда мечтала вернуться в эти джунгли. К несчастью, прошедшие годы значительно приукрасили представление Шарлотты об этом регионе и определенно не подготовили ее к трудностям жизни в тропическом лесу.

«Вроде того факта, что всё здесь пытается съесть, ужалить, отравить или облапошить тебя».

Подойдя к пологу жилого шатра, она протолкалась за него на мутноватый утренний свет. Прищурилась после темноты, прикрыла глаза ладонью. Справа от нее раскинулись соломенные хижины и крытые жестью убогие хибары деревни. Значительная часть жилья здесь уже была сметена расположенной по соседству рекой Чопо, вздувшейся после продолжительных ливней. Слева, уходя далеко в лес, громоздилось скопление типовых шатров и сооруженных на скорую руку шалашей – здесь ютились беженцы из других деревень, вынужденные спасаться от паводка.

А люди продолжали стекаться сюда каждый день, переполняя и без того забитую до отказа территорию.

Дым нескольких костров практически не справлялся с вонью, разносящейся из выгребных ям. Количество заболеваний холерой росло как на дрожжах, и медикам уже не хватало физраствора и доксицилина. Только вчера Шарлотте пришлось иметь дело и с десятком случаев малярии.

Это едва ли был тот буколический мир природы, который она представляла себе в Париже.

Словно чтобы еще раз напомнить об этом, вдали зловеще громыхнул гром. В течение последних двух месяцев над этим районом постоянно проносились сильные грозы, превращая окрестные земли в болото – хотя календарный сезон дождей вроде еще не наступил. Это был

¹⁴ ЮНИСЕФ (англ. UNICEF, United Nations International Children's Emergency Fund) – Детский фонд ООН, международная организация, действующая под эгидой Организации Объединенных Наций. Является преемником Международного фонда помощи детям (ICEF), созданного в 1946 г. Функционирует благодаря взносам правительств и частных пожертвований.

¹⁵ Республика Конго и Демократическая Республика Конго (быв. Заир) – разные страны, граничащие между собой.

самый высокий уровень осадков, зафиксированный более чем за целое столетие, – а прогноз обещал лишь новые ливни. Паводковые воды угрожали затопить всю центральную часть Конго, а из-за местной коррупции и всяких бюрократических препон вопросы помощи пострадавшим решались со скрипом или не решались вообще. Шарлотта буквально молилась, чтобы ооновцы поскорей прислали вертолет с очередной партией медикаментов и прочих припасов, пока ситуация здесь не стала по-настоящему катастрофической.

Подойдя к госпитальному шатру, она увидела присевшую на корточки маленькую чернокожую девочку, исторгающую под себя струйку бурой жидкости. Муравьи забирались малышке на ступни и уже устроились у нее на коленях. Та плакала от их укусов, пока какая-то женщина, очевидно, ее мать, не подхватила ее себе под мышку и не отряхнула ей ноги.

Поспешив туда, Шарлотта помогла собрать оставшихся муравьев. Показала на госпитальный шатер. Ее суахили¹⁶ оставлял желать лучшего.

– *Дава*, – произнесла она, увлекая за собой женщину и дитя. – Вашей дочери надо лекарство.

Обезвоживание – и от холеры, и от тысячи прочих этиологий – могло убить ребенка меньше чем за день.

– *Куза, куза*, – настойчиво повторяла Шарлотта, проходя вперед.

Кругом уже суетились местные. Многие вооружились метелками из пальмовых листьев, сражаясь с полчищами муравьев. Она пристроилась за туземцем из племени балуба, который обмахивал такой метелкой дорожку, ведущую к госпитальному шатру. Следуя за ним по пятам, Шарлотта успешно добралась до брезентового полога перед входом. Из-за него сразу вырвался запах дезинфектанта и йода, на миг заглушив повисшую над лагерем вонь.

Один из врачей – Корт Джеймсон, седовласый педиатр из Нью-Йорка – заметил ее появление.

– Ну что там у вас, доктор Жирар? – спросил он на английском – фактическом языке медперсонала.

– Очередной случай диареи, – отозвалась она, заводя женщину и ребенка внутрь.

– Сейчас я ими займусь. – Но сначала он передал ей дымящуюся жестяную кружку с кофе. – Подзаправьтесь. Похоже, что вы едва успели открыть глаза. Пара минут погоды не делает.

Благодарно улыбнувшись, Шарлотта обеими руками приняла кружку. Вдохнула аромат. От одного только запаха сердце забилося чаще. Кофе здесь был густой, как сироп, – далеко не тот изысканный *petit café* в ее излюбленном парижском бистро. Вся медицинская бригада уже обрела натуральную зависимость от этого варева и уже чуть ли не всерьез обсуждала возможность употреблять его внутривенно.

Шарлотта отошла в сторонку, чтобы насладиться как короткой передышкой, так и темным горьким эликсиром.

Взгляд ее упал на крепкую фигуру Бенджамина Фрея, двадцатитрехлетнего аспиранта-биолога из Кембриджа, который совмещал возню с больными с работой над кандидатской диссертацией. На рыжеволосом аспиранте был тропический костюм цвета хаки и шляпа с широкими мягкими полями. А еще пара белых кроссовок, которую он каким-то мистическим образом ухитрился держать в первозданной чистоте – ни пятнышка. По его порывистым движениям и редким нервным тикам она подозревала у него расстройство аутистического спектра, но даже если так, то на его способности хорошо справляться со своими обязанностями и общаться с людьми это никак не сказывалось. Правда, иногда этот молодой человек мог вдруг глубоко погрузиться в изложение всяких эзотерических тем, нисколько не обращая внимания на интерес слушателей – или же отсутствие такового.

¹⁶ Суахили – один из самых распространенных языков африканского континента, относится к группе языков банту.

Когда он склонился над густой лентой муравьев и подцепил одного из них пинцетом, Шарлотта подошла ближе. Ей было любопытно это неожиданное вторжение – эта новая напасть, угрожающая лагерю.

Фрей оглянулся через плечо, когда она присоединилась к нему.

– *Dorylus wilverthi*, – объяснил он, поднимая захваченный образец повыше. – Африканский кочевой муравей. Еще называется «сяфу». Одна из наиболее крупных разновидностей бродячих муравьев. Солдаты вроде этого могут вырасти до полудюйма в длину, а их матка, или королева, – до двух дюймов. У них такие сильные и крепкие жвала, что туземные племена используют их укусы для наложения швов на резаные раны.

Шарлотта почувствовала, что парень приготовился к одному из своих длинных дискурсов, и перебила его.

– Но откуда они тут взялись?

– О, это беженцы, как и все остальные здесь. – Опустив муравья к его сородичам, он выпрямился. Указал пинцетом в сторону вздувшейся реки. – Похоже, что этих муравьев смыло с их обычной территории обитания.

Ей понадобилась еще секунда, чтобы осознать, что черные островки, сплавляющиеся по течению, – это не какие-то кучки мусора, а массивные скопления темно-красных муравьев, сцепившихся вместе.

– А почему они все не утонули? – спросила она.

– После небольшого купания в реке? Это для них не проблема. Они могут продержаться под водой целый день. Муравьи – это крепкие маленькие солдаты. Они жили на Земле еще во времена динозавров и успешно колонизировали все континенты. За исключением Антарктиды, естественно.

Шарлотта ощутила дурноту, особенно когда заметила, как один из этих островков рассыпался, ударившись о берег, и растекся по сторонам. Захватчики действовали слаженно, словно заранее разработали стратегию этого нападения.

– И ума им не занимать, – добавил Фрей, словно приметив то же самое. – У каждого – двести пятьдесят тысяч мозговых клеток, что делает их умнейшими насекомыми на планете. И это только у *одного* из них. Соберите сорок тысяч муравьев вместе, и они будут соответствовать нам по уровню разума. И не забывайте, что некоторые суперколонии *Dorylus* насчитывают более пятидесяти миллионов муравьев. Можете себе представить? И во главе всего этого королева, которая живет до тридцати лет – дольше любого другого насекомого. Так что не стоит их недооценивать.

Шарлотта вдруг пожалела, что вообще подошла к биологу.

– Пока эта армия не двинется дальше, – предостерег Фрей, когда она начала отходить от него, – ожидайте множества пострадавших от укусов. Помимо ума, у странствующих муравьев на редкость злобный характер, плюс соответствующее вооружение. Челюсти у них крепкие, как сталь, и острые, как бритва. На марше они известны тем, что пожирают все на своем пути, даже убивают стреноженных лошадей и объедают их до костей. Или собак, запертых в домах. А иногда и младенцев.

Шарлотта натужно сглотнула.

«Как будто нам тут нужны еще какие-то проблемы...»

– А долго придется ждать, пока они уйдут?

Фрей нахмурился, упершись кулаками в бедра. Понаблюдав за темными лентами, текущими с реки через лагерь.

– Странное дело... Такое поведение для них необычно. Обычно странствующие муравьи избегают участков с бурной деятельностью вроде этого лагеря, предпочитая держаться в тени джунглей. – Он пожал плечами. – Но этот паводок и сам по себе явно нетипичен. Может,

это и сделало их особо агрессивными. Тем не менее со временем они должны успокоиться и двинуться дальше.

– Надеюсь, что вы правы.

Он кивнул, все еще глядя на рассыпающуюся по сторонам массу муравьев, с обеспокоенным выражением на лице.

– Я тоже.

11:02

Шарлотта посветила фонариком-карандашиком в глаза трехмесячному малышу. Мальчишка устроился на руках своей обеспокоенной матери. Он засунул в рот большой палец, но не сосал его, как это обычно делают дети его возраста. Лежал тихо, выпрямившись, с необычно напряженной спиной. Зрачки у него были расширены и едва реагировали на свет. Если б ребенок не дышал, то походил бы на мягкую восковую куклу. Кожа у него поблескивала, словно от жара, но температура была нормальной.

– Что думаете? – не оборачиваясь, спросила Шарлотта.

За плечом у нее стоял Корт Джеймсон. Она подозвала американского педиатра для консультации. Они собрались за небольшой занавеской, отделяющей «смотровую» от основного помещения-палаты, уставленного койками.

– Такую же картину я наблюдал вчера, – отозвался Джеймсон. – У девочки-подростка. Ее отец сказал, что она вдруг перестала говорить и двигалась только после понуканий. Опухшие лимфоузлы и сыпь по всему животу. Как и у этого мальчишки. Я подумал, что это может быть поздняя стадия трипанозомоза.

– То есть сонной болезни, – пробормотала она, обдумывая его предположительный диагноз. Это заболевание вызывается одним простейшим паразитом, передаваемым при укусе мухи цеце. Ранние признаки заболевания – опухшие железы, сыпи, головные и мышечные боли. Позже, при отсутствии лечения, этот паразит поражает центральную нервную систему, что приводит к неразборчивой речи и нарушению координации движений.

– И как вы поступили с той девочкой? – спросила Шарлотта.

Джеймсон пожал плечами.

– Я влил в нее мешок физраствора внутривенно, поскольку она была обезвожена, а после накачал «докси» и пентамидином. Закрыв все базы, какие только смог, как выражаются у нас в Америке. Попытался уговорить отца оставить ее у нас, но он отказался. Позже я слышал, что этот мужик ищет колдуна из своей собственной деревни.

В голосе коллеги она услышала пренебрежение. Потянулась к Джеймсону утешающей рукой.

– Ее отец тоже хочет закрыть все базы.

– Наверное, вы правы.

Шарлотта не могла осуждать представителя местного племени за подобный выбор. Многие деревенские шаманы и вправду знали целебные травы и способы лечения местных недугов, еще не открытые и не обоснованные медицинской наукой. Некоторые она уже успела изучить и сама. Например, местные знахари пользовались уринальными инфекциями грейпфрутом еще задолго до того, как целебные свойства цитрусовых были подтверждены западной медициной¹⁷. Шаманы также использовали *Ocimum gratissimum* – африканский базилик – для лечения диареи, на что, останься вдруг лагерь без медицинских припасов, вполне можно было бы положиться.

¹⁷ Может, грейпфрут и вправду обладает целебными свойствами (хотя врачи не рекомендуют употреблять его одновременно с любыми лекарствами), но вот в Центральной Африке он не растет и никогда не рос.

– Не думаю, что этот мальчик страдает сонной болезнью, – заключила наконец Шарлотта. – Поначалу, основываясь на минимальном зрачковом рефлексе и отсутствии рефлекса угрозы¹⁸, я подумала, что это может быть онхоцеркоз, он же «речная слепота». Но не сумела обнаружить у него в глазах никаких паразитических червей, которые могли бы это вызвать.

– Тогда что же это, по-вашему? – напористо поинтересовался Джеймсон.

– Его мать говорит, что два дня назад он был совершенно здоров. Если она права, тогда симптомы проявились слишком уж быстро для любого заболевания, вызываемого паразитами. Что простейшими, что червеобразными. Такая быстрота скорее наводит на мысли о вирусной инфекции.

– Вирусов тут определенно предостаточно. Желтая лихорадка, ВИЧ, чикунгунья, денге, Рифт-Валли, лихорадка Западного Нила... Не говоря уже – исходя из шелушащейся сыпи у этого мальчика и у вчерашней девочки – обо всех видах поксвирусов. Обезьянья оспа, черная оспа...

– Ну не знаю... Симптомы не соответствуют ни одному из перечисленных диагнозов. Мы можем иметь дело с чем-то новым и неизвестным. Большинство новых вирусов возникают при дисбалансе природной среды. Прокладке новых дорог, сведении леса, варварском истреблении экзотических лесных животных браконьерами... – Она обернулась на своего коллегу. – А также при продолжительных ливнях, особенно если переносчиками этих вирусов являются москиты или какие-то другие насекомые.

Словно услышав эти слова, здоровенный странствующий муравей взобрался по плечу мальчишки и впился ему в шею. Закапала кровь, когда его жвала впилась в нежную плоть. Шарлотта сразу припомнила, какими болезненными оказались укусы, разбудившие ее, но мальчишка даже не пошевелился. Так и не вытащил большой палец из рта, чтобы вскрикнуть. Даже не вздрогнул от боли. Просто лежал, деревянно зажатый, уставившись в пространство пустыми глазами.

Сочувственно вздрогнув, она протянула руку в резиновой перчатке и сняла муравья. С силой раздавила его и отбросила прочь.

Джеймсон наблюдал за ней, озабоченно сдвинув брови.

– Молитесь, чтобы вы ошибались насчет нового вируса. При такой перенаселенности, миграции животных, перемещениях больших масс населения...

«Это будет натуральная катастрофа».

– Пока мы не выясним больше, пожалуй, нам стоит усилить бдительность, – предложила Шарлотта. – А я тем временем возьму анализы мочи и крови.

Джеймсон прищурился.

– Не знаю, будет ли от этого какой-то толк... Со всем творящимся тут хаосом понадобится недели, пока мы сможем доставить образцы в приличную лабораторию.

Она поняла, что коллега имеет в виду.

«К тому моменту может быть уже слишком поздно».

– Но у меня есть один хороший знакомый, в Габоне, – продолжал Джеймсон. – Ветеринар, специалист по диким животным, который работает по программе Всемирной охраны здоровья Смитсоновского института¹⁹ – а конкретней, участвует в новом глобальном проекте «Виром»²⁰. Собирает образцы, помогает группе создавать наблюдательную сеть для все еще не распознан-

¹⁸ Рефлекс угрозы – непроизвольное смыкание век при приближении или поднесении к глазам обследуемого какого-либо предмета.

¹⁹ Смитсоновский институт (*англ.* Smithsonian Institution) – научно-исследовательский и образовательный институт и принадлежащий ему комплекс музеев в Вашингтоне. Основан в 1846 г. актом Конгресса США. Официально считается государственным учреждением, финансируется правительством США, частными инвесторами, а также за счет издательской и коммерческой деятельности.

²⁰ Виром – совокупность всех вирусов (или их геномов) того или иного организма; уникальная вирусная среда организма.

ных вирусов. Что важнее, у него есть своя собственная мобильная лаборатория для тестирования образцов. Если мы сможем связаться с ним по радио и убедим его прилететь сюда...

Он вопросительно посмотрел на Шарлотту.

Прежде чем она успела ответить, у входа в госпитальный шатер послышались громкие голоса, пронизанные паникой. Оба вышли из-за импровизированной ширмы. В шатер ворвались двое мужчин с носилками. Еще один из врачей группы, сорокалетний акушер-гинеколог из Мельбурна, рванулся было к ним – но только чтобы потрясенно отшатнуться.

Джеймсон устремился к вошедшим, увлекая за собой Шарлотту.

Людьми с носилками оказались боец ВСДРК – Вооруженных сил Демократической Республики Конго – и санитар из Швейцарии, обычно встречавший беженцев на ближних подступах к лагерю и отбиривший тех, кому необходима экстренная медицинская помощь; высокий блондин с вечно бледным лицом, словно неподвластным загару даже на африканском солнце. Только на сей раз его лицо было еще блее обычного.

Отдуваясь, санитар опустил носилки на пол.

– Я... я нашел его на краю лагеря. Там еще четверо. Все мертвы. Там этой пакостью все буквально кишит... Он единственный до сих пор жив.

Шарлотта выдвинулась из-за спины Джеймсона, заметив жуткое состояние лежащего на носилках. Это был пожилой местный мужчина, слабо пытающийся сесть. Обрывки его одежды пропитывала кровь, сбегая сквозь лоскуты словно ободранной кожи. Половина лица его представляла собой просто красные мышцы, из-под которых выступала белая кость. Выглядел он так, будто на него напал лев, но истинные хищники, ответственные за это, были куда меньше размером.

По нему по-прежнему ползали муравьи, вгрызаясь в обнаженную плоть.

– Мы нашли его только потому, что он еще слабо шевелился под горой муравьев, – объяснил санитар. – Они пожирали его живьем. Понадобилось несколько ведер воды, чтобы смыть бо́льшую их часть.

– Почему этот человек просто не убежал от муравьев? – спросил Джеймсон. – Он потерял сознание? Был пьян, может быть?

Педиатр присел на корточки, чтобы получше рассмотреть окровавленного пациента. Туземец наконец-то ухитрился сесть. Открыл было рот, чтобы объяснить, что с ним случилось, – но из горла у него вырвался кипящий поток муравьев, заструившийся по подбородку и груди. Тело его обмякло, и он безвольно упал обратно на носилки.

Джеймсон, поперхнувшись, отпрянул.

Шарлотте припомнилось недавнее предостережение биолога: «Следует ожидать множества пострадавших от укусов», – а также его слова, что странствующие муравьи способны объесть стреноженную лошадь до костей. Она быстро обернулась на ширму из занавески. Мать все еще стояла там, держа на руках своего неподвижного, словно одеревеневшего сына – ребенок был слишком вялым, чтобы реагировать на муравьиные укусы.

Шарлотта вдруг поймала себя на том, что стало трудно дышать – словно воздух становился все более густым. Нахлынула ужасная убежденность.

«Все это как-то связано...»

Повернувшись, она ухватила Джеймсона за плечо.

– Вызывайте по радио своего знакомого, охотника на вирусов. Немедленно!

Педиатр секунду хмуро смотрел на нее, отупев от ужаса. А потом стряхнул с себя оцепенение и кивнул. Вскочил и выбежал из палаты, направляясь к шатру с радиостанцией и набором небольших спутниковых тарелок.

Шарлотта все еще держала руку на весу. Какое-то движение привлекло ее взгляд к запястью. Там извивались три черных муравья, вцепившиеся в голую кожу над резиновой перчат-

кой. Их жвала глубоко впились в кожу. Ужас охватил ее при этом зрелище – но не от него как такового, а от внезапного осознания.

Ведь она этих укусов даже и не почувствовала.

2

23 апреля,
17:38 по западноафриканскому времени
Провинция Приморское Огове, Габон

Глубоко под землей перед Фрэнком Уитакером вдруг возникла пара красных глаз, отражающих луч фонаря у него на каске. Глаза горели в глубине темного туннеля, прямо над зеркалом черного ручья, по которому он шлепал вброд. Сердце сжалось от первобытного страха. Его ведь предупреждали о хищниках, таящихся в этой полузатопленной системе пещер.

«Крокодилы...»

Раньше он уже заметил пару особей поменьше, не длинней его предплечья, но те быстро ускользнули, плеснув хвостами. Но только не этот. Фрэнк углядел покрытое броней тело, вырывающееся за этими тлеющими, как угольки, глазами. «Шесть футов в длину как минимум...» Обратил он внимание и на оранжевый оттенок чешуи, что типично для крокодилов, запертых в этой системе пещер. Все они принадлежали к роду *Osteolaemus tetraspis* – тупорылых, или африканских карликовых крокодилов. Хотя, судя по длине данного конкретного экземпляра, насчет определения «карликовый» вполне можно было бы поспорить.

Обособленная колония крокодилов обитала в этой отрезанной от всего остального мира ловушке в пещерах Абанда у побережья Габона вот уже три тысячи лет, запертая здесь, когда на этом участке побережья упал уровень воды. В такой суровой, лишенной солнечного света среде эти оранжевые твари все заметней отходили от своих собратьев наверху, эволюционируя своим собственным путем.

Как ветеринара, теперь специализирующегося и на диких животных, Фрэнка всегда очень интересовали подобные вещи – но на куда более почтительном расстоянии.

– Да они практически слепые, – успокоил его Реми Энгонга, патологоанатом из МЦМИ – Международного центра медицинских исследований, уроженец Габона. Это учреждение на юго-востоке страны играло важную роль в оценке новых заболеваний, регулярно возникающих в Западной Африке. – Пошумите слегка, и этот малютка моментально подожмет хвост.

– Малютка? – переспросил Фрэнк, голос которого был приглушен медицинской маской.

– *Oui*. Там, наверху, крокодилы во много раз крупнее.

Фрэнк помотал головой. «По-моему, и этот достаточно большой». И все же воспринял слова своего спутника на веру – насчет того, что эта тварь практически слепая. Отцепив с пояса алюминиевую флягу для воды, он постучал ею по карстовой стене, выкрикнув: «О-го-го!» Крокодил-переросток продолжал глазеть на него, ничуть этим не впечатленный. А потом наконец развернул свою немалую тушу и небрежно поплыл прочь, исчезнув в темноте.

Освободив путь, оба мужчины двинулись дальше. В такой чужеродной среде Фрэнк чувствовал себя астронавтом, исследующим враждебную планету, особенно затянутый с головы до ног в защитное снаряжение – комбинезон «микро-гард» с капюшоном и непромокаемые вейдерсы. Глаза он прикрыл пластиковыми защитными очками, а маска фильтровала как насыщенный аммиаком воздух, так и тучи мошки и гнуса, постоянно вьющихся вокруг.

Наконец они вышли из ручья и потащились по жидкой грязи, состоящей в основном из помета летучих мышей. Свод тоннеля увешивали целые орды его крылатых обитателей; еще больше их носилось в воздухе, иногда пикируя на нарушителей своего спокойствия. Копившийся веками мышиный помет со временем и отбелил крокодилю чешую, придав ей уникальный оранжевый оттенок. Крокодилы же, в свою очередь, кормились как раз этими летучими мышами, входившими в их основной рацион наряду с пещерными крабами, сверчками и водорослями.

– Далеко еще до ловушки? – крикнул Фрэнк Реми.

– Почти пришли. Возле следующего сужения. Я подумал, что раскинуть сети лучше всего именно там.

Реми и несколько его коллег из МЦМИ успели установить ловушки днем ранее. Фрэнк хотел взять образцы от каждой из разновидностей летучих мышей, обитающих здесь: африканского плодоядного крылана, гигантской круглолистной летучей мыши, ряда других. Как раз эти существа и являлись основными природными вместилищами для той же Эболы или марбургского вируса. Целью Фрэнка было каталогизировать набор прочих вирусов, переносимых обитателями этой пещеры, – в надежде обнаружить патогены, способные вызвать очередную крупную пандемию.

Он пробыл в Африке уже полгода, перемещаясь по всему Конго и прибрежной Западной Африке, и успел собрать больше пятнадцати тысяч образцов.

Направляясь к ловушкам, Фрэнк вновь ощутил всеподавляющее чувство изумления, что находится здесь. Это был странный путь – от чернокожего мальчишки, живущего с приемными родителями в чикагском Саут-Сайде, до ветеринара-вирусолога, пробирающегося сейчас по закоулкам пещерной системы в Габоне. Его любовь к миру природы во многом определил переменчивый климат Чикаго. Спасаясь от зимней стужи или влажной летней духоты, он частенько оказывался в парке Линкольна, зоопарке Брукфилд или аквариуме Шедда, где мог часами перечитывать и запоминать надписи на пояснительных табличках, мечтая обо всех этих загадочных уголках мира, упомянутых на них. Все это казалось таким далеким от чернокожего подростка, закутанного в куртку на два размера больше положенного и в паре драных кроссовок «Джордан».

«И глянь только, где я сейчас...»

Его способности к науке вообще и математике в частности со временем вызвали интерес у вербовщика из Корпуса подготовки младших офицеров запаса – как, наверное, и внушительный рост в шесть футов четыре дюйма²¹. В Корпусе Фрэнк настолько преуспел, что ему было предложено продолжить учебу в государственном колледже, причем за счет армии, которая оплатила его обучение ветеринарии в Университете Иллинойса. Вдобавок ему сразу же присвоили звание второго лейтенанта, отчего его приемные родители едва не лопнули от гордости.

Хотя своих биологических родителей Фрэнк никогда не знал – да никогда и не пытался разыскать их после того, как они сбыли его с рук долой государственной системе, – ему все-таки повезло. Перепробовав несколько приемных семей, некоторым из которых просто не было до него дела, а другие из лучших намерений лишь давили на него, Фрэнк наконец попал к Уитакерам, которые со временем усыновили его. Именно их любовь и выступила в качестве того якоря, который наконец утомил отчаявшегося юнца, готового окончательно сорваться с поводка и плывущего по уличному течению все дальше от общества, которое уже отвергло его.

Когда он со временем закончил учебу на ветеринара – что включало в себя дополнительные недели учебных сборов, – его быстро повысили до капитана. После обязательной стажировки от него требовалось еще семь лет армейской службы. Эти годы закинули его в самую гущу Иракской войны, где он вскоре стал признанным специалистом в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения и занимался практической полевой работой с зоонозными заболеваниями²². Но при этом война лишила его и всяких иллюзий – и относительно состояния мира в целом, и человечества в частности.

После возвращения в Штаты Фрэнк попробовал стажироваться в Научно-исследовательском институте инфекционных заболеваний армии США, но продержался там всего лишь еще год – со временем оставил службу и был нанят международной некоммерческой программой Смитсоновского института, задачей которой было выявление возникающих вирусных угроз.

²¹ 6 футов 4 дюйма – 193 см.

²² Зоонозные заболевания – инфекционные заболевания, передающиеся человеку от животных.

В рамках этой программы он и получил грант на поездку в Африку, главной задачей которой была каталогизация местной виросферы в поисках патогенов, могущих представлять собой опасность для человечества – того, что его коллеги именовали «вирусной темной материей», скрытой в затерянных уголках мира.

– Похоже, у вас тут полно волонтеров для вашего исследования, – заметил Реми, поравнявшись с Фрэнком и вновь привлекая его внимание.

Патологоанатом показал на экран из сетки, натянутый в сужении тоннеля. Там висели темные силуэты, запутавшиеся в ячее, словно скопление каких-то черных пушистых фруктов. Перегораживающая проход сеть уловила больше двух десятков летучих мышей разного размера. Некоторые задержались при их появлении.

– Угомонитесь, малютки, – успокоил их Фрэнк. – Ничего плохого мы вам не сделаем.

Оказавшись возле ловушки, он снял рюкзак и присел на корточки. Быстро приготовил шприц с седативным коктейлем – смесью ацепромазина и буторфанола. Потом натянул толстые прорезиненные перчатки: не хватало еще, чтобы его укусили. Вооружившись шприцем, начал с самого верха, методично вкалывая обездвиживающую смесь запутавшимся в сети летучим мышам. При этом он внимательно следил, чтобы дозы соответствовали размеру особей – каждой доставалось лишь по капле-другой. Когда Фрэнк добрался до низа сетки, мыши наверху уже застыли в ступоре.

– Не поможете освободить сеть? – попросил он Реми.

Совместными усилиями они отцепили ловушку, вновь открыв проход. Несколько летучих мышей воспользовались открывшейся возможностью и метнулись у них над головами. Расстелив сетку с оцепеневшими особями на полу пещеры, Фрэнк вернулся к рюкзаку и вынул из него оборудование для взятия образцов.

«Пора заняться делом».

18:28

Фрэнк встал на колени в окружении аккуратно расставленных и разложенных пузырьков с ватными палочками, игл и тонких стеклянных пипеток. Пот капал у него со лба и жег глаза, которые и без того горели от всего этого мышинового помета, источающего аммиак.

«Наверное, надо было прихватить респиратор».

Действовать следовало как можно быстрее, стараясь не загрязнить образцы. Первым Фрэнк взял в руки обмякшее тельце большой круглолистной летучей мыши – *Hipposideros gigas*. Реми помог ему распахнуть ей крылья для забора крови. Потом приготовил пару ватных палочек для взятия образцов из орофарингеальной и ректальной полостей мыши.

Работая, Фрэнк изучал хрупкое создание. Мягкие бархатистые уши в форме колокола, ноздри – словно крошечные воронки из лепестков живой ткани... Мембрана кожистых крыльев была такой тонкой, что сквозь нее просвечивал луч фонаря на каске Реми.

Работая, тот подался ближе.

– Доктор Уитакер, а можно поинтересоваться: почему в своих исследованиях вы сосредоточились именно на *летучих мышах*?

Занеся очередной образец в реестр, Фрэнк выпрямился.

– Прежде всего по той причине, что эти крошечные создания – настоящие мешки с вирусами. Причем помимо своих собственных вирусов, коих великое множество, они естественным образом собирают в себе и те, что находятся в окружающей среде. В частности, все виды артроподных²³ вирусов – от насекомых, которыми питаются. И даже растительных, что касается плодоядных летучих мышей. И, в свою очередь, передают эти вирусы другим формам дикой природы – или даже людям. В идеале нам следовало бы исследовать виросферу каждого

²³ Артроподный – относящийся к членистоногим, т. е. насекомым, ракообразным, паукообразным и многоножкам.

позвоночного, беспозвоночного или растения, представленного здесь. Но в этом просто нет смысла, даже если бы такое и было осуществимо. Летучие мыши – превосходные индикаторы того, что кроется здесь в окружающей среде в общем и целом.

– Понятно, – сказал Реми. – Но меня всегда интересовало, почему при такой открытости вирусам летучие мыши сами не заболевают.

Фрэнк отложил круглолистную летучую мышь на пол пещеры и принялся выпутывать из сети следующую – судя по форме и размеру, плодоядную *Rousettus aegyptiacus*.

– По трем причинам, – ответил он. – Во-первых, иммунная система летучих мышей настолько уникальна, что ей просто нет равных. Исследователи предполагают, что устроена она так в первую очередь потому, что это единственные млекопитающие, которые умеют *летать*.

Фрэнк развернул крыло, ткнул иглой в крошечную вену и втянул несколько капель крови в пипетку.

– Чтобы воплотить эту сверхъестественную задачу, обмен веществ должен быть невероятно быстрым. Весь этот метаболический жар доводит их крошечные тела практически до лихорадочного состояния, которое и позволяет сдерживать инфекции.

Отложив пипетку, Фрэнк взял ватную палочку.

– Вторая причина – и более важная – в том, что такой подстегнутый метаболизм вызывает круговорот опасных воспалительных молекул, который может оказаться смертоносным. Чтобы справиться с этим, в своем эволюционном прошлом летучие мыши отключили десять генов. Это притупило их воспалительный отклик, известный как гиперцитокинемия, или же «цитокиновая буря», который и является основной причиной смертности от вирусных заболеваний. Вдобавок, воспаление – это основная причина старения, так что смягчением этого процесса объясняется и то, почему летучие мыши живут до сорока лет – экстраординарный показатель для столь маленького млекопитающего.

Фрэнк приготовил ватную палочку, а Реми помог ему раскрыть крошечные челюсти тестовой особи, открыв острые, как иголки, зубы.

– Вы сказали, что есть *три* причины сопротивляемости летучих мышей болезням, – напомнил Реми. – Какая третья?

– Тут для ответа вам придется заглянуть в ДНК летучих мышей. Большая часть их генетического кода – и нашего, раз уж на то пошло – представляет собой фрагменты древнего вирусного кода, внедрившиеся в их геном при прошлых заражениях. Летучие мыши используют эти гены совершенно уникальным способом. Они способны загонять эти кусочки вирусной ДНК в свою клеточную протоплазму и превращать их в сырье для производства антител.

– Что и позволяет им оставаться здоровыми. – Реми горько покачал головой. – Вот если бы и мы могли делать то же самое! Моя группа все еще пытается справиться со вспышками Эболы по всей Западной Африке. Едва успеваем потушить в одном месте, как тут же разгорается в другом.

Фрэнк мрачно кивнул. Закончив с плодоядной летучей мышью, он обвел взглядом раскинутую по полу пещеры сеть. Та оказалась пустой.

– Похоже, что со всеми волонтерами разобрались, – объявил он.

– Очень кстати. Скоро зайдет солнце. Пора возвращаться.

Фрэнк охотно согласился. У него не было никакого желания отыскивать дорогу в лагерь в темноте. Совместными усилиями они принялись наводить порядок в своей импровизированной лаборатории. Наконец Фрэнк упаковал последний образец, а Реми собрал сеть с пола. Закончив, они двинулись назад, предоставив своим испытуемым просыпаться и возвращаться в свои места обитания.

Фрэнк оглянулся назад, когда первая пара летучих мышей неловко взмыла в воздух.

– Лучше бы нам поспешить, пока и остальные не встали на крыло.

– Это еще почему?

– Хотя летучие мыши отлично умеют держать свой вирусный груз под контролем, лучше не тревожить и не возбуждать их без крайней нужды – эта сложная иммунная система может дать сбой. Вирусы начнут активно размножаться, делая мышь гораздо более заразной. – Фрэнк бросил взгляд на Реми. – Всегда помните: раздраженная летучая мышь очень опасна.

– Буду держать это в голове.

Реми прибавил шаг, уходя от места сбора образцов и периодически оглядываясь с обеспокоенным выражением на лице. Они быстро достигли затопленной части пещеры и пошлепали к выходу. При этом Фрэнк настороженно высматривал в воде знакомые уже глаза, похожие на тлеющие красные угольки, но ничего такого не заметил. Очевидно, суматоха и шум от их трудов загнали крокодилов в более глубокие пещеры.

– Что дальше? – спросил Реми, мотнув головой на рюкзак Фрэнка. – Что теперь будете делать со всеми этими образцами?

– Отнесу их в свою мобильную лабораторию в лагере. Я могу сделать предварительный анализ посредством ПЦР-амплификации, сравнивая последовательности вирус-специфических антигенов с генетической базой данных. Это позволит мне вычленить *известные* вирусы. А еще я сам создал набор реагентов и вложенных праймеров, позволяющих определить *неизвестные* вирусы. Все это довольно приблизительно, но, используя метод, известный как SISPA²⁴ – амплификацию²⁵ с одним праймером, – я могу присоединить линкер/посредник известной последовательности к неизвестной последовательности, что позволит мне амплифицировать...

Реми поднял руку.

– Я вам верю.

Фрэнк улыбнулся.

– Простите. Это максимум, что мне под силу в полевых условиях. Естественно, идеальным вариантом было бы вырастить какой-то из этих неизвестных вирусов в клеточной культуре, вне организма-носителя. Но это слишком опасно за пределами специально оборудованной лаборатории. Вроде той, что имеется в вашем исследовательском центре во Франсвиле.

Он уже давно завидовал Реми и его группе в МЦМИ, у которых имелись и приматологическая лаборатория, и изолятор четвертого класса биологической защиты.

«Если б я только мог в полной мере использовать этот объект...»

Реми словно прочитал его мысли.

– Если вы обнаружите что-то особенно любопытное, то я уверен, что мы можем устроить изучение такого вируса в изолированных условиях. Особенно что касается любых образцов, собранных в Западной Африке. Лучше заранее знать, что тут есть, прежде чем это создаст нам проблемы.

– Вот потому-то я и здесь. Ради этого, а еще чтоб проверить, сколько надо москитных укусов, чтобы свести человека с ума.

Реми глянул на него, насмешливо приподняв бровь.

– Уж эту-то загадку вы наверняка разгадаете, доктор Уитакер. Особенно при всех этих грозах, проходящих над этой территорией.

– Это да. – Фрэнк бросил взгляд через плечо на темную воду у себя за спиной. – На худой конец, может, ливни и паводки наконец вымоют этих бедных крокодильчиков обратно в мир солнечного света.

Реми вытянул руку вперед.

– Пока что буду только рад *сам* выбраться отсюда.

²⁴ SISPA – Sequence-Independent, Single-Primer Amplification (*англ.*).

²⁵ Амплификация в молекулярной биологии – процесс образования дополнительных копий участков хромосомной ДНК.

19:22

Еще через полчаса Фрэнк заметил тусклый свет в тоннеле впереди, разливающийся над гладью черной воды.

Реми тоже его увидел.

– *Dieu merci*²⁶, – выдохнул он.

Притягиваемые светом, они быстро прошлепали по колено в воде остаток пути до выхода. Фрэнк, отдуваясь от усталости, встал под виднеющимся в семи ярдах над головой проемом, из которого свисала веревочная лестница. Рядом с ней в пещеру струился крошечный водопадик, образуя облачко тонкой водяной пыли.

Подняв лицо к солнечному свету, Фрэнк стянул защитные очки и маску. Первый раз за долгое время втянул в легкие воздух, не изгаженный аммиаком. И все же жара удушала. Даже перед самым закатом день словно стал еще жарче. Он был готов поклясться, что влажность составляет все сто десять процентов.

Реми стал подниматься первым. Фрэнк последовал за ним по раскачивающейся веревочной лестнице, мотаясь под тяжестью объемистого рюкзака на плечах. Наконец Реми помог ему выбраться из заросшего папоротником грота.

Фрэнк со стоном выпрямился и повернулся к своему коллеге. В густые джунгли уходила утоптанная тропа. Обоим еще предстоял двухмильный переход до временного лагеря Фрэнка. Он надеялся, что они успеют добраться туда, прежде чем окончательно сядет солнце, которое уже совсем низко нависло над горизонтом.

Вдоволь напившись воды из фляг, они направились по тропе. Оба слишком устали для каких-то разговоров. Через четверть мили Фрэнк уже обливался потом в своем защитном комбинезоне. Подумывал даже снять его, но и это потребовало бы слишком много усилий. Вдобавок, костюм надежно прикрывал бо́льшую часть его тела от туч надоедливых москитов, так и вьющихся вокруг.

«Ну и где все эти летучие мыши, когда они тебе нужны?»

Идущий впереди Реми вдруг резко остановился. Фрэнк едва не натолкнулся на него.

– Что такое?

Отступив вбок, патологоанатом ткнул пальцем в усеянную мухами кучу навоза посреди тропы.

– Лесной слон. И совсем недавно.

Фрэнк вздрогнул. В габонском тропическом лесу обитали целые стада этих неуклюжих гигантов. Он был хорошо осведомлен об их территориальных инстинктах, хотя вряд ли мог винить этих зверей за их дурной характер, особенно при том количестве браконьеров, которые рыскали по здешним джунглям. За последние десять лет охотники за слоновьей костью истребили восемьдесят процентов поголовья слонов в Габоне.

– Дальше лучше смотреть в оба, – предостерег Реми, перешагивая через огромную кучу навоза и кладя руку на рукоять пистолета на боку. Оружие являлось совершенно необходимой мерой предосторожности в джунглях – и не только на случай встречи с опасными животными. И хотя в случае нападения разъяренных слонов на маленький пистолет надежды практически никакой, громкие звуки выстрелов способны отпугнуть их.

«По крайней мере, будем молиться, что это действительно так».

Когда они двинулись дальше, Фрэнк то и дело надолго задерживал дыхание, наострив уши – не слышать ли характерных трубных звуков и сотрясающего землю топота. По мере их продвижения лес становился все темнее, между деревьями пролегли густые тени, скрывая окружающую обстановку.

А потом они оба услышали это, откуда-то спереди.

²⁶ Слава богу (фр.).

Треск веток, шелест листьев...

Фрэнк застыл на месте.

Реми отстегнул клапан кобуры и наполовину вытащил пистолет. Пошире расставил ноги. Еле слышно шепнул:

– При любых признаках агрессии кидайтесь в заросли!

Нервно сглотнув, Фрэнк кивнул.

Шум становился все громче – и тут из-за поворота узкой тропы наконец-то появился зверь. Но это оказался не лесной слон. Вместо него перед ними выскочил здоровенный пес, полускрытый в тени лесного полога. Голову он держал низко к земле, наострив уши. Из горла у него вырвался приглушенный рык.

А еще через секунду вслед за собакой быстрой походкой вышли два вооруженных человека. В камуфляже, с длинными винтовками.

«Браконьеры», – первым делом промелькнуло в голове у Фрэнка. Но когда они приблизились, он узнал красные береты и униформу вооруженных сил Габона. За этой парой следовала еще одна фигура – загорелый мужчина с растрепанными светлыми волосами. Судя по одежде, не из местных военных: пара поношенных высоких ботинок, штаны цвета хаки со множеством карманов и легкая рубашка с длинным рукавом. На голове – бейсболка.

Протолкавшись мимо солдат, мужчина подошел к Фрэнку и Реми. Протянул руку.

– Доктор Уитакер, я полагаю?

Фрэнк скривился – шуточка явно не привела его в восторг. Это была явная попытка имитировать знаменитую фразу исследователя Конго Генри Мортон Стэнли: «Доктор Ливингстон, я полагаю?»

Фрэнк обошел Реми, встав перед появившимся из леса американцем – человеком, которого он хорошо знал еще с тех пор, как служил армейским ветеринаром. Схватил протянутую ему мозолистую руку, нуждаясь в ее твердом пожатии, желая лишний раз убедиться, что это неожиданное воссоединение посреди габонских джунглей ему не почудилось.

– Такер, как ты тут оказался? – Фрэнк бросил взгляд на большого пса, который подошел к мужчине, демонстрируя черную с рыжими подпалинами холку и высокие уши. – И с Кейном, как я посмотрю... Последний раз я имел честь лицезреть вас обоих в Багдаде, прямо перед тем, как ты уволился со службы.

До увольнения в запас капитан Такер Уэйн был военным проводником служебных собак в армейском спецназе и успел заработать множество боевых наград. Его четвероногий напарник, Кейн, тоже получил больше медалей, чем большинство обычных бойцов²⁷.

Такер пожал плечами.

– Я здесь, чтобы осуществить эксфильтрацию; как и всегда, это наша с ним основная специальность. – Он похлопал Кейна по боку. – Похоже, кто-то отчаянно пытался разыскать тебя. Когда это не вышло, сведения об этом дошли до твоего начальства в Смитсоновском. Судя по всему, ты не из тех, кого легко найти.

– Большую часть дня я провел под землей, – объяснил Фрэнк. – Но я не понимаю, ты-то здесь при чем?

– Я знаю одну группу, имеющую отношение к Смитсоновскому. Учитывая срочность, они связались со мной. – Судя по кислому выражению лица Такера, он был далеко не в восторге оттого, что избран для этих целей. – Я уже находился здесь, на континенте, в Южной Африке – у меня там кое-какие деньжата вложены. Мы с моими деловыми партнерами разведывали одно местечко в Северной Намибии, когда поступил вызов. А когда я услышал, *кого именно*

²⁷ О Такере Уэйне и Кейне подробно рассказывается в романах Дж. Роллинса «Линия крови», «Убийцы смерти», «Ястребы войны» и рассказе «Ночная охота».

мне надо забрать... Ну, за мной должок после того, как ты здорово помог нам с Кейном – там, на войне.

– И все-таки, почему я? Для чего я-то понадобился?

– Один из ооновских лагерей для беженцев в Демократической Республике Конго столкнулся с каким-то непонятным природным явлением. Судя по всему, ситуация близка к критической. Запрос о твоей помощи поступил от работающего там педиатра, который тебя знает. Его фамилия Джеймсон.

Фрэнк не сразу сообразил, о ком идет речь, а потом припомнил врача, с которым месяц назад познакомился в Киншасе, столице Демократической Республики Конго.

– Это ты про Корта? Корта Джеймсона?

Такер кивнул.

Фрэнк нахмурился. Этот педиатр уговорил его выступить с докладом о зоонозных заболеваниях перед группой из «Врачей без границ», а после выступления Фрэнк потратил целый вечер, демонстрируя ему свое оборудование и технику забора образцов.

– Джеймсон забил тревогу, – объяснил Такер. – Попросил тебя притащить твою мобильную лабораторию туда, чтобы оценить происходящее. Этот первый вызов поступил восемь часов назад. А потом, когда я уже прилетел сюда, то получил известие о втором вызове. Он был с сильными помехами, на заднем плане слышались стрельба и крики.

Фрэнк поежился, представив себе лагерь, на который напали бандиты или повстанцы, орудующие в тех краях.

Такер продолжал:

– Вызов внезапно прервался. Дальнейшие попытки связаться не увенчались успехом. Конголезские военные уже поставлены в известность, но ооовцы очень просят, чтобы ты внял мольбе своего коллеги и помог оценить то, что там происходит.

– Конечно, – сказал Фрэнк. – Я могу подготовить свою лабораторию к транспортировке в течение часа.

– Отлично. У меня наготове заправленная «Сессна». Мы забросим тебя в Кисангани, а оттуда тебя перекинут вертолетом в лагерь. Если позволит погода, ты сможешь прибыть туда к полуночи по местному времени.

Фрэнк махнул Такеру, увлекая его за собой, но тот остановил его поднятой рукой.

– Что? – спросил Фрэнк, заметив жесткий блеск в сине-зеленых глазах бывшего спецназовца.

– Этот второй вызов... Мало что удалось разобрать. Кроме последних слов твоего знакомого.

– И каких же?

Такер столь же жестко посмотрел на него.

– «Держитесь подальше отсюда! О боже, даже не думайте появляться здесь!»

3

23 апреля,
22:44 по центральноафриканскому времени.

Провинция Чопо,
Демократическая Республика Конго

Шарлотта выглянула за пластиковое окошко госпитального шатра. Руины лагеря продолжал поливать дождь. В черных лужах, больше похожих на небольшие озера, отражался свет брошенных и теперь догорающих костров.

Полчища муравьев по-прежнему растекались по жидкой грязи, покрывая практически все вокруг. Несколько крылатых особей – самцы-трутни – все еще упорно кружились над землей под струями дождя. На противоположной стороне лагеря вырисовывались темные кучи – тела тех, кто стал добычей этих полчищ или угодил под пулю.

Напротив возле штабеля ящиков плясали лучи фонариков – Джеймсон и санитар-швейцарец, Бирн, вместе с троицей местных, у которых через плечо висели винтовки, загружали припасы в кузов пикапа. На всех пятерых были белые костюмы биологической защиты с капюшонами, защитные очки и маски. Дешевые одноразовые комбинезоны, которые обеспечивали лишь минимальный уровень защиты, вряд ли могли противостоять чему-то действительно заразному, но, по крайней мере, не позволяли самым злобным из перемазанных грязью муравьев добраться до плоти.

Джеймсон выкрикнул несколько последних распоряжений, готовясь к эвакуации группы. В лагере, кроме них, практически никого не осталось. Большинство шатров были повалены, повсюду валялись разломанные ящики.

«По крайней мере, хаос и бойня уже позади».

В течение дня Джеймсон изо всех сил старался сохранять порядок в лагере при помощи вооруженных людей из КИОП – Конголезского института охраны природы²⁸, именуемых здесь экогвардией, поскольку главной их задачей было охранять тропический лес от браконьеров и нелегальных порубщиков. Но когда все больше муравьев стали втекать в лагерь и распространилась весть о неизвестном заболевании, любые надежды организовать в лагере карантин пошли прахом. Началось отчаянное мародерство, стали вспыхивать перестрелки, и бойцам «экологической гвардии» пришлось взять под свою защиту медицинские припасы группы и грузовики КИОП. За достаточно короткое время основная часть беженцев успела скрыться в джунглях.

Ничуть не улучшало ситуацию и то, что уровень воды в реке Чопо продолжал неуклонно подниматься. Стало ясно, что медицинской группе тоже надо эвакуироваться. Два часа назад Джеймсон пытался связаться по радио с властями и предупредить их, что им придется переместиться в запасную точку и что сюда приезжать не надо. Но муравьи плотно набились в корпус лагерьной радиостанции, повредив электронику. Педиатр даже не был уверен, услышал ли его кто-нибудь.

Шарлотта перевела взгляд на нижний слой темных туч. Еле слышно пророкотал гром. С неба по-прежнему сыпалась все та же надоедливая морось, но вспышки молний вдали предупреждали, что очередная гроза вот-вот по-настоящему покажет зубы.

«Нужно уходить, пока они всерьез в нас не вцепились».

Она повернулась от окна к рядам коек. Здесь осталась лишь горстка пациентов, слишком слабых, чтобы передвигаться самостоятельно. Лица их лоснились от жара, в глазах тлел страх.

²⁸ ICCN – Institut Congolais pour la Conservation de la Nature (фр.).

Доктор Мэтти Полл, акушер-гинеколог из Австралии, снимал капельницу и заглушал катетер у немощного старца с копной седых волос. Мэтти кивнул Шарлотте.

«Все готово к отъезду».

Два грузовика КИОП стояли на самом краю лагеря, готовые переправить пациентов на новое место – куда-нибудь, где повыше. Путь от реки намечала лишь единственная разбитая колея.

Глаза Шарлотты остановились на юной матери, что-то тихонько напевающей своему трехмесячному малышу. Мальчик лежал совершенно обмякший у нее на руках, его голова завалилась набок, глаза пусто уставились на крышу шатра. Его грудь продолжала вздыматься и опадать – но сколько это еще продлится? Во время недавней неразберихи мать с младенцем попыталась сбежать, но Шарлотта убедила ее остаться, пообещав, что сделает для ребенка все возможное.

«И все-таки, что я могу сделать? Я ведь до сих пор и понятия не имею, что с ним!»

Вжикнула «молния» на двери шатра, привлекая внимание Шарлотты. Нагнувшись, вошел Джеймсон. Он опустил с лица маску, тяжело дыша. Его глаза за защитными очками сверкали беспокойством и отчаянием.

– Мы готовы. Я попрошу людей Бирна и Ндая помочь всем погрузиться на грузовики.

Снаружи взрыкнул заводящийся мотор.

– А как же Бенджи? – спросила Шарлотта, выступая вперед.

Оглядев шатер, Джеймсон раздраженно вздохнул.

– Он что, еще не вернулся?

Шарлотте не было нужды отвечать. Аспирант куда-то ушел еще час назад – вскоре после того, как Джеймсон попытался связаться с местными властями. А до этого биолог провел бо́льшую часть дня, собирая и изучая муравьев, еще сильнее нахмутив брови и полностью сосредоточившись на этом занятии.

Особенно заинтриговало Бенджи появление в лагере крылатых муравьев. Они были такие крупные, что поначалу Шарлотта приняла их за пчел. Прежде чем уйти расследовать этот рой, Бенджи заверил ее, что самцы не представляют собой угрозы – у них нет жутких жвал, присущих муравьям-солдатам. И все же трутни зловеще гудели в воздухе, подливая масла в огонь и без того напряженной ситуации. Вскоре после этого в лагере и начался беспорядочный погром.

– Нам нужно дождаться его, – сказала Шарлотта. – Не можем же мы его здесь бросить! Джеймсон помотал головой.

– Будем ждать ровно столько, сколько понадобится для посадки людей в грузовики. Вот и все.

– Но...

Джеймсон отвернулся.

– Река поднимается, надвигается гроза – нам нельзя оставаться здесь. Бенджи может пойти за нами пешком – то есть если он до сих пор жив.

Внутренне вздрогнув, Шарлотта повернулась к пластиковому окошку шатра и протерла его запястьем. Волдыри от недавних укусов муравьев чесались, что можно было счесть добрым знаком. Она регулярно отслеживала и свое собственное состояние, обеспокоенная тем, что непонятная инфекция, поразившая мальчика, могла затронуть и ее. Но пока что все вроде было нормально. Ей очень хотелось списать свою тогдашнюю нечувствительность к укусам на адреналин и напряжение.

«Наверняка все дело в этом».

Шарлотта встревоженно всматривалась в ночную тьму за мутным пластиком окошка, сосредоточившись на более насущной проблеме.

«Где же ты, Бенджи?»

22:55

Бенджамин Фрей продвигался по темному лесу, вооруженный лишь фонариком и непреклонной решимостью выяснить истину. Стирал дождевые капли со своих пластиковых защитных очков и линзы камеры «Гоу-про», прикрепленной ремнем ко лбу. Он следовал вдоль густой ленты странствующих муравьев, поднимаясь вверх по ее течению.

«Полнейшая бессмыслица... Это же никак на них не похоже...»

В карманах его комбинезона позвякивали маленькие пробирки для образцов. Весь день он собирал муравьев и изучал их под микроскопом в своем шатре. Рядом с ним лежал айпад, на экране которого светились страницы энтомологического справочника – одной из сотен загруженных туда книг и журнальных публикаций по биологии. Он сравнивал анатомию пойманных особей, подмечая небольшие различия между ними. «Размер и угловой размах жвал, конфигурация торакса, подвижность усиков...» И все это говорило о том, что он имеет дело сразу с несколькими видами и подвидами муравьев рода *Dorylus*. До сих пор Бенджи определил их больше дюжины.

Их названия звучали у него в голове, словно магнитофонная запись.

«*Dorylus moestus*, *Dorylus mandicularis*, *Dorylus kohli indolcilis* и *militaris*, *Dorylus funereus pardus*, *Dorylus brevis*...»

Хотя все эти виды были обычным делом в этих экваториальных джунглях, они никогда не собирались вместе в одной и той же колонии – обычно странствующие муравьи слишком воинственно настроены даже по отношению к близким «родственникам». И все же текущие через лагерь ленты представляли собой причудливую смесь всех этих видов. Это озадачивало его. Однако не эта загадка сама по себе находилась в центре его внимания, а скорее совершеннейшая *неправильность* происходящего.

А Бенджи терпеть не мог, когда хоть что-то выходило за рамки правил или оказывалось не на своем месте.

И так было всегда.

Еще в одиннадцатилетнем возрасте у него диагностировали легкую форму болезни Аспергера – то, что теперь принято именовать расстройством аутистического спектра первой степени. Родился он на месяц раньше срока – или, как частенько говаривала его мать, «Бенджи и тогда был слишком уж нетерпелив, чтобы дожидаться всех девяти месяцев». Может, это и имело какое-то отношение к его состоянию, но он редко об этом задумывался.

В школьные годы с ним работал психолог-бихевиорист, который обучил юного Бенджи использовать его гипертоническую концентрацию и почти эйдетическую память²⁹, чтобы толковать выражения лиц и социальные сигналы. Со временем он научился довольно неплохо справляться со своим состоянием, но наибольшие сложности создавала ему излишняя одержимость, когда дело доходило до решения каких-то проблем и наведения порядка. В средней школе Бенджи научился складывать кубик Рубика менее чем за семь секунд. Ему всегда нравилось исправлять то, что было неправильно, возвращать хаос к порядку – это действовало на него успокаивающе. Но это же самое свойство существовало бок о бок с импульсивностью – качеством, которое он постоянно пытался обуздать.

И все-таки эта обсессивно-компульсивная сторона его натуры немало помогла ему преуспеть в учебе, хотя в школе он не пользовался особой популярностью и частенько становился мишенью школьных задира – как по причине некоторой нелюдимости, так и из-за нервного тика, выражавшегося в быстром моргании глазами. Но при этом был и глубоко любим. Выросла его мать-одиночка в муниципальном жилье в Хакенторпе, в Южном Йоркшире. Она души

²⁹ Эйдети́зм – особый вид памяти, преимущественно на зрительные впечатления, позволяющий удерживать и воспроизводить в деталях образ воспринятого ранее предмета или явления.

не чаяла в сыне, всячески подбадривала Бенджи и изо всех сил укрепляла его уверенность в себе. В первую очередь именно ее поддержка позволила ему поступить в Шеффилдский университет, расположенный всего лишь в шестнадцати минутах езды на автобусе от его дома.

И вот теперь он оказался гораздо дальше от родного дома, чем когда-то мог даже представить. Эта поездка в Африку потребовалась, чтобы завершить его кандидатскую диссертацию по эволюционной биологии. Его научный руководитель в Шеффилде связал его со своим коллегой из университета Кисангани, который, в свою очередь, пристроил Бенджи в группу медицинской помощи ЮНИСЕФ. Лагерь для беженцев, расположенный в самом эпицентре обрушившегося на регион паводка, предоставлял редкостную возможность провести полевые исследования для диссертации Бенджи, посвященной обусловленным стрессом мутациям и их наследственности.

Бенджи надеялся, что его наблюдения за странствующими муравьями, спасающимися от потопа, могут в этом плане оказаться весьма полезными. С этой целью в голове он и двигался сейчас вдоль их пути. Увиденный в лагере рой крылатых муравьев наводил на мысль, что их матка где-то неподалеку. Вскоре в безостановочно движущейся черно-рыжей ленте насекомых стали попадаться белые капли, отмечающие присутствие специализированных рабочих – переносчиков потомства, – которые спасались от паводка, унося с собой из гнезда личинок и куколок, не способных передвигаться самостоятельно.

Бенджи уже собрал несколько разновидностей личинок и куколок, следуя против движения муравьиной орды. Он рассчитывал, опять оказавшись в Кисангани, изучить ДНК этих муравьев, а особенно эпигенетические модификации, которые могли привести к этой новой модели поведения, выразившейся в межвидовом сотрудничестве. Но он все еще охотился за своим главным призом – особью, жизненно важной для изучения передачи подобных модификаций по наследству.

И тут Бенджи наконец заметил то, ради чего так далеко забрался в джунгли.

«Так-так...»

В самом конце бурлящего потока личинок и куколок появился куда более крупный муравей, как минимум двух дюймов в длину. Это и была королева колонии. Ее сопровождала целая свита рабочих, помогающих ей убраться подальше от затопленного гнезда.

Упав на колени, Бенджи достал из нагрудного кармана комбинезона длинный пинцет. Осторожно подобрал им королеву с тропы. Стряхнул нескольких вцепившихся в нее сопровождающих и сразу бросил здорового муравья в пробирку. Быстро заткнул ее пробкой – и чтобы королева не удрала, и чтобы исключить попадание в воздух любых феромонов, которые она могла выделять. Не хватало ему еще привлечь внимание всей этой армии, чтобы та бросилась в бесполезную погоню за своей владычицей. Все странствующие муравьи – слепы, реагируют они лишь на запахи и вибрации. Если их не беспокоить, остальная часть колонии спокойно продолжит движение по заранее запрограммированному маршруту, в конечной точке которого все это муравьиное войско либо со временем зачахнет без своей откладывающей яйца королевы, либо появится другая, чтобы занять ее трон.

Со своей добычей в руке Бенджи развернулся и направился обратно в лагерь. По его прикидкам, пройти предстояло не больше мили. Шагая вдоль сплошной ленты муравьев, он то и дело посматривал по сторонам на предмет признаков какой-либо угрозы – когда за спиной вдруг послышалось негромкое ворчание. Тому ответило нечто вроде кашля или кряхтения чуть дальше справа.

Продолжая пробираться через темные джунгли, Бенджи полуобернулся. Посветил назад фонариком. Ничего не увидел. И все же прибавил шаг. Навострил уши – нет ли каких-то указаний на то, что там у него на пути.

Ничего не услышал.

Но это ему точно не почудилось.

23:10

– Мы больше не можем ждать, – объявил Джеймсон.

Слова педиатра подчеркнул громкий треск грома. Маленькое окошко шатра осветилось вспышкой молнии. Гроза была готова разразиться в любой момент.

Шарлотта прикусила нижнюю губу, пытаясь выдумать хоть какое-то оправдание, позволяющее отложить отъезд до возвращения Бенджи. Шатер уже освободили от большинства пациентов. Один из грузовиков КИОП с доктором Поллом и первой партией больных успел уехать. Второй дожидался отставших.

В шатре оставался лишь один пациент.

Шарлотта бросила взгляд на молодую женщину из народности балуба и ее сына. Та отказывалась отходить от Шарлотты, явно намереваясь заставить врача выполнить обещание помочь ее ребенку.

Джеймсон махнул Бирну на койку.

– Давай этих двоих в машину!

Высокий санитар-швейцарец, промокший насквозь, в перемазанном грязью защитном комбинезоне, бесцеремонно двинулся к ним. Мать отпрянула, прикрывая собой младенца.

Шарлотта заступила санитару дорогу.

– Я сама им помогу. А вы берите все, что нам еще может пригодиться.

Бирн вопросительно посмотрел на Джеймсона, что задело Шарлотту.

Педиатр раздраженно воздел руки.

– Да без разницы. Хорошо. Но через пять минут мы уезжаем.

Шарлотта подступила к женщине и мягко потянула ее с койки.

– Дисанка, *хебу туенде*! Мы отвезем твоего *китвана* в безопасное место.

Мать опустила ноги с койки, держа ребенка на руках. Начала уже вставать – когда какая-то суматоха за пологом шатра заставила ее отдернуться назад.

Шарлотта повернулась туда в тот момент, когда в шатер ворвался Ндай, командир бойцов КИОП. Худощавый, мускулистый чернокожий мужчина лет тридцати пяти был одет в зеленую камуфляжную униформу, такой же расцветки кепи с длинным козырьком и высокие черные ботинки. На плече у него висел автомат.

Шарлотта с надеждой посмотрела на него. Единственная уступка, которой ей удалось добиться от Джеймсона, это чтобы тот разрешил Ндаю и одному из его людей отправиться в пропитанные дождем джунгли на поиски Бенджи. Вместе с Ндаем в шатер зашел еще один мужчина, но это оказался не искомый аспирант. Чернокожий незнакомец разогнул свою сухопарую фигуру, выпрямившись с достоинством, которое говорило об облеченности властью. Его точный возраст было трудно определить, но, судя по седым косам, стянутым украшенным ярким бисером налобным ремешком, спутнику Ндая было явно под восемьдесят, а то и больше. На нем были свободные штаны и рубашка с расстегнутым воротом, открывающим толстое ожерелье в том же стиле, что и налобный ремешок.

– Это Воко Бош, – представил его Ндай. – Старейшина шаманов бакуба – народа, который живет к западу отсюда.

Шарлотта заметила проблеск острого ума в глазах мужчины. Его одежда и манера держаться были далеки от того, чего она ожидала от шамана, которых многие в этих краях до сих пор наделяют волшебными свойствами. Его спокойный взгляд обожегал шатер и остановился на Дисанке и ее младенце. Обернувшись, старик резко позвал кого-то сквозь полог шатра.

Ндай объяснил:

– Я встретил шамана и его ученика, когда они подъезжали к нашему лагерю на пикапе. Он отправился в наши края еще два дня назад, привлеченный слухами о великой болезни – той, что распространяется по лесу и поражает как людей, так и сами джунгли.

– Выходит, нечто подобное происходит и в других местах, – заключил Джеймсон.

– Судя по всему, – подтвердил Ндай. Глаза его сверкали от беспокойства. Командир отряда КИОП вырос здесь, в Конго, но какое-то время учился в Англии, где получил диплом по антропологии, и в речи его проскакивали намеки на британский акцент. – Несмотря на разнообразие племен и враждующих группировок, эти джунгли – очень эффективное средство коммуникации. Так было всегда. Передающиеся из уст в уста новости быстро распространяются по лесу.

Шарлотта подступила ближе.

– Но почему этот шаман приехал именно в наш лагерь?

– По его словам, он искал подтверждения присутствию какого-то древнего врага. С которым его народ сражался в незапамятные времена. Он уверяет, будто...

Снаружи громыхнул гром, оборвав Ндая на полуслове. Налетел порыв ветра, встряхнув ткань шатра.

– Хватит! – резко бросил Джеймсон, когда порыв стих. – У нас нет времени на всякую галиматью.

Шарлотта вытянула руку, желая дослушать – не то чтобы она сама верила в нечто подобное, но если это позволит Бенджи выиграть чуть больше времени, чтобы вернуться в лагерь, то только к лучшему.

– Мы должны его выслушать. Коренное население Конго живет в этих лесах многие тысячелетия. Если они обладают хоть какими-то знаниями касательно того, что здесь происходит, то нам не следует сбрасывать их со счетов.

Ндай был явно с этим согласен.

– У африканских племен есть устные предания, уходящие в настолько далекие времена, что в них уже размывается грань между историей и мифологией.

Шарлотта кивнула. Перед приездом сюда она много что успела прочесть о прошлом Конго. Самые ранние местные обитатели – пигмейские племена – появились здесь еще во время позднего палеолита, около сорока тысяч лет тому назад.

В шатер ворвалась крошечная фигурка, но это оказался не пигмей, а совсем юный парнишка, лет двенадцати или тринадцати – насквозь промокший, в заляпанных грязью сапогах, в одних лишь шортах и футболке, с синим рюкзаком «Дженспорт». Он быстро заговорил с шаманом на диалекте, который был Шарлотте незнаком, протягивая тому какой-то увесистый продолговатый предмет, завернутый в плотную ткань.

– Это Фарайи, – представил его Ндай. – Племянник и подмастерье Воко Боша.

Шаман взял у него сверток, положил себе на колени и развязал его. Внутри обнаружилась резная деревянная маска – наверное, погребальная, – затейливо украшенная раковинами, слоновой костью и окрашенными зернами, а также паутиной утопленных в дерево тонких железных прожилок. Несколько более ярких металлических прядей – судя по всему, золотых – очерчивали брови и ресницы. Это был настоящий шедевр туземного ремесла, однако сюжет оказался довольно необычным.

Хотя черты лица на маске, довольно стилизованные, в общем и целом напоминали большинство африканских, вместо какого-либо церемониального головного убора или короны безвестный резчик изобразил нечто вроде куполообразного шлема с узкими полями, выложив его маленькими белыми ракушками – вида скорее колониального, нежели туземного.

Прежде чем Шарлотта успела хоть что-то сказать, Воко приподнял маску, словно крышку, и оказалось, что лежащий у него на коленях предмет представляет собой нечто вроде полого сундучка или шкатулки.

Ндай негромко охнул.

– Это же *нгеди му нтей*...

Шарлотта бросила на него взгляд.

– Священный ларец бакуба, – объяснил он. – Этот народ славится такими резными изделиями, многие из которых украшают музеи по всему миру. В таких ларцах обычно хранят *тукула* – ритуальные мази и порошки, равно как и прочие церемониальные инструменты, используемые для исцеления, похорон – словом, все, что имеет большую ценность.

Засунув руку в ларец, Воко вытащил из него небольшого резного идола, которого передал своему подмастерью. Фарайи принял его, словно смертоносную гадюку, осторожно касаясь одними только кончиками пальцев. Блестящее лицо фигурки, вырезанной из какого-то темного дерева, было практически черным, в то время как стилизованный наряд покрывала белая краска, растрескавшаяся и потускневшая от времени. Одежда и тут не выглядела туземной – больше походила на европейский костюм с пробковым шлемом.

«Это, должно быть, человек, изображенный на маске...»

Ндай мотнул на фигурку головой.

– Это *ндон*. Обычно такие статуэтки изображают особ царских кровей.

– И кто же это тогда? – спросила Шарлотта.

Услышав вопрос, Фарайи ответил по-английски, продемонстрировав хорошее владение этим языком.

– Это пастух³⁰.

Шарлотта нахмурилась.

«С какой это стати племени бакуба вырезать фигурку пастуха?»

Она приподнялась на цыпочки, чтобы заглянуть в ларец. Судя по его очевидному возрасту, это был реликт из прошлых веков, наверняка датированный колониальными временами. Дерево тоже выглядело необычно – судя по всему, эбеновое, но с необычными серебряными прожилками, образующими глаза лица, изображенного на крышке.

Под статуэткой в ларце обнаружилась стопка маленьких квадратных бумажных листков, жестких и пожелтевших от времени. На самом верхнем Шарлотта заметила несколько размашистых рукописных строчек.

Когда Воко запустил руку внутрь ларца, наклонив его, аккуратно сложенная стопка сместились, открыв уголок выцветшего черно-белого фото. Похоже, что и все остальные листки в ней тоже представляли собой старинные фотографии – разве что в самом низу проглядывала сложенная географическая карта.

Прежде чем Шарлотта успела разглядеть что-то еще, Воко выпрямился, перекрыв ей обзор. Когда он повернулся, в руке у него был заткнутый пробкой стеклянный флакон, заполненный каким-то зернистым желтым порошком.

Шарлотта припомнила слова Ндая, что в таких ларцах обычно держат чудодейственные мази и порошки.

«Что же это такое?»

Своими сильными, ловкими пальцами Воко выкрутил резиновую пробку. Протолкавшись через собравшихся, он двинулся к Дисанке, прижимающей к себе младенца. Подойдя к койке, вытряс себе на ладонь немного порошка из флакона. Что-то негромко, но твердо сказал матери, которая поначалу вроде испугалась, а потом принялась кивать.

«Если что, то этот знахарь умеет обращаться с пациентами получше, чем Джеймсон».

– И что же, по-вашему, он затевает? – спросил педиатр, явно готовый вмешаться.

Шарлотта остановила его, тронув за руку.

– Пусть их.

Она чувствовала, что западной медицине здесь нет места.

Подхватив сына рукой за затылок, Дисанка подняла его личико повыше. Ребенок никак не показал, что сознает происшедшее, не моргнув и глазом.

³⁰ «Пастух» (или же «пастырь») по-английски – shepherd, произносится как «шеперд».

Склонившись над ним, Воко сдул порошок с ладони ему в нос и на губы. Шарлотта ожидала, что малыш чихнет, но не последовало никакой реакции. Абсолютно ничего не произошло. Дисанка опустила взгляд на своего сына, наверняка молясь, чтобы средство подействовало, однако даже у нее отсутствие какого-либо отклика явно вызвало отчаяние.

Джеймсон скривился.

– Мы зря тратим время. Пускай этот шаман едет с нами, если хочет, но мы сейчас уезжаем.

Не обращая на него внимания, Воко шагнул в сторону, обходя педиатра. Шарлотта предположила, что он вернется к ларцу, но шаман, шепнув что-то своему помощнику, продолжал двигаться к выходу из шатра. Фарайи вернул фигурку в ларец и аккуратно закрыл крышку. Когда мальчик принялся укутывать его тряпкой и убирать обратно в рюкзак, Воко склонился перед пологом шатра, который был оставлен открытым.

Ленты муравьев уже захватили все пространство, ища спасения от дождя и растекаясь во всех мыслимых направлениях. Вытряхнув щепотку мелких гранул на кончики пальцев, Воко рассеял его над одной из черных лент. Эффект оказался мгновенным. Муравьи рассыпались во все стороны, спеша убираться подальше. А несколько штук, покорчившись на земле, остались лежать неподвижно.

Воко секунду изучал дело своих рук, а потом кивнул, явно удовлетворенный увиденным. И все же, когда он выпрямился и обернулся, лицо его было искажено беспокойством.

Джеймсон шумно выдохнул – с него явно оказалось достаточно.

– Тоже мне удивил! Это просто нечто вроде инсектицида или репеллента от муравьев. И что с того?

Ответ поступил из-за спин у собравшихся, переключивших было внимание на происходящее у выхода.

Со стороны коек донесся громкий вой. Все обернулись. Дисанка еще сильнее вцепилась в своего младенца. Тот лежал у нее на руках все столь же оцепенелый и расслабленный, но глаза его были крепко зажмурены, а скулящий ротик был широко раскрыт, показывая крошечный завиток розового язычка.

У Шарлотты пресеклось дыхание.

– Этот порошок... он пробудил его! Наверное, это и вправду какое-то лекарство!

Джеймсон пренебрежительно скривился.

– Откуда нам это знать? Это может быть банальный назальный раздражитель³¹, который просто вызвал болевой отклик. В любом случае нам надо...

Громкое шлепанье сапог снаружи заставило всех опять обернуться. Какой-то силуэт с разгона проскользил по грязи мимо открытого полога и тут же метнулся назад ко входу, в конус света от лампы. Когда Бенджи наконец сунулся внутрь, где-то вдалеке треснул выстрел. Комбинезон биолога был порван, маленькая камера «Гоу-про» криво повисла возле уха. Паника выбелила его лицо. Он тревожно выкрикнул одно лишь слово:

– Спасайтесь!

³¹ Назальный раздражитель – вещество, оказывающее раздражающее воздействие на слизистую оболочку носа.

4

23 апреля, 21:35 по Гринвичу

Перелет через Северную Атлантику

С высоты тридцати тысяч футов командер Грей Пирс наблюдал, как перед ним медленно вырастает туманное побережье Африки, подсвеченное тлением огоньков прибрежного городка. Частный реактивный самолет – «Сессна Сайтейшн Х+» – несясь над черными водами Атлантики прямо к этим огонькам, но им не предстояло сделать остановку на побережье.

Час назад они приземлились для дозаправки на одном из островов Кабо-Верде, ровно на середине маршрута с конечной точкой в Демократической Республике Конго. Все равно оставалось еще не менее пяти часов лета – до города Киншаса, расположенного практически в самом центре континента.

«В буквальном смысле в самом сердце Африки...»

Электронный планшет, поставленный под углом на маленьком тиковом столике перед кожаным креслом Грея, коротко звякнул. Вдохнув, командер дождался, пока не установится зашифрованное спутниковое соединение со штабом «Сигмы» в Вашингтоне. Потом выпрямился и подхватил планшет. На экране открылось окно с развалившимся на пиксели изображением, которое скоро превратилось в знакомое лицо директора Пейнтера Кроу.

Босс Грея сидел за своим письменным столом без обычного синего пиджака, распустив галстук и расстегнув верхнюю пуговку рубашки. С раздраженным видом он пригладил пальцами свои угольно-черные волосы, затолкав единственную седую прядь за ухо, словно засовывая туда орлиное перо. Плосковатое лицо с высокими скулами ясно выдавало его индейское происхождение, хотя серебристо-голубые глаза свидетельствовали о том, что в жилах Кроу течет кровь сразу нескольких рас.

– Директор, мы уже практически у побережья, – сообщил Грей. – Вы обещали держать нас в курсе любых изменений ситуации в точке.

– Хорошо. У меня и вправду уже есть кое-какая новая информация. Тревожная, вообще говоря. Сейчас и Кэт выйдет на связь. А тем временем, как там поживает наша медицинская группа?

– Уже работают с тем, что есть, прикидывают предварительный план действий, чтобы не тратить время после прилета.

Грей бросил взгляд на пару в креслах перед самой кабиной. Его друг и сослуживец по «Сигме», Монк Коккалис, склонив голову над столом, сидел напротив Лизы Каммингс, жены директора Кроу. У той был немалый опыт работы в области медицины и эпидемиологии, и если то, что происходило сейчас в темном сердце Африки, действительно вызывалось некоей неведомой инфекцией, тогда ее знания различных заболеваний и схем их передачи могли оказаться жизненно важными.

Монк же был бывшим спецназовцем. И хотя свой зеленый берет он давно повесил на гвоздь, Коккалис по-прежнему поддерживал свою массивную фигуру в отличной физической форме и наголо брил голову. Сейчас на нем были джинсы, тяжелые ботинки и обтягивающая футболка с оскалившим зубы бульдогом на ней, не особо отличавшимся от физиономии самого Монка. Но под оболочкой крутого парня скрывался ум столь же острый и быстрый, как у любого чемпиона по шахматам. Поступив в «Сигму», бывший военный медик прошел переподготовку в области биологических наук, получив магистерскую степень по биомедицине.

Пейнтер покосился куда-то в сторону.

– Похоже, что Кэт готова.

На экране возникло еще одно окно, открыв слегка веснушчатое лицо и темно-каштановые волосы Кэтрин Брайант, аналитика разведывательной службы «Сигмы».

- Может, позовешь Монка и Лизу послушать, что она скажет?
- Думаю, что стоит.

Грей поманил к себе обоих коллег, которые тоже услышали предложение директора. Они устроились в креслах напротив Грея, а тот сдвинул планшет, чтобы им тоже было видно.

Монк помахал Кэт. Пара была жената, с двумя маленькими дочками.

- Как там Харриет и Пенни?
- Уже скучают по папочке. По-моему, они винят меня в том, что ты опять уехал.
- Служба зовет, – произнес он извиняющимся тоном.
- Больше похоже, что запросы Смитсоновского, – возразила она.

После того, как в Вашингтоне прозвучал тревожный вызов из лагеря беженцев ООН, по институту распространился слух о возможном вирусном заражении. Поскольку мир еще только оправлялся от последней пандемии, научное сообщество пребывало в состоянии повышенной бдительности. Никто не хотел рисковать тем, чтобы по миру распространилось еще одно подобное бедствие.

Директор программы Всемирной охраны здоровья – ветеринар, специализирующийся по диким животным, содержащимся в неволе – первым забил тревогу. Задачей этой программы, действующей на базе Смитсоновского института биологии охраны природы при Национальном зоологическом парке, было отслеживать любые кризисные ситуации, могущие угрожать жизни и здоровью – причем не только человеческого населения, но и представителей дикой природы. Этот подход к здравоохранению так там и называли – «Одно здоровье», признавая, что всеобщее благополучие в равной мере зависит как от людей, так и от животного мира. Вообще-то семьдесят пять процентов всех эпидемических заболеваний последнего столетия – Эбола, ВИЧ, COVID-19 – были переданы людям зоонозным путем, то есть от представителей фауны. Так что вполне имело смысл постоянно мониторить на этот предмет популяции диких животных, чтобы вовремя засечь очередную угрозу.

«Вроде той, с которой сейчас могли столкнуться в Конго».

И все же все это вполне могло оказаться ложной тревогой. На данный момент это была лишь *потенциальная* угроза. «Сигму» подключили лишь по причине ее тесных связей со Смитсоновским институтом – даже штаб этой структуры располагался в подземельях прямо под Смитсоновским замком³² в парке «Национальный молл» в Вашингтоне. Такое местоположение было выбрано по причине близости как к хорошо оборудованным исследовательским лабораториям института, так и к кулуарам власти, что группе было только на руку.

Группа «Сигма» скрытно работала под эгидой УППОНИР – Управления планирования перспективных оборонных научно-исследовательских работ Министерства обороны США. Все это были в прошлом бойцы различных спецподразделений, втайне завербованные «Сигмой» и прошедшие переподготовку в различных научных дисциплинах, чтобы действовать в качестве оперативных сотрудников для защиты интересов Соединенных Штатов и всего мира от любого рода угроз. Название происходило от греческой буквы Σ, которая символизировала «сумму всего лучшего» – сплав ума и силы, гибрид бойца и ученого. Девиз группы был прост: «Будь первым».

Следуя этому принципу, директор Кроу всякий раз мобилизовал «Сигму», когда до Смитсоновского института доходили сведения о какой-либо надвигающейся угрозе. Он сразу же привлек к делу специалиста, который не раз помогал им в прошлом, – бывшего армейского рейнджера, уже находившегося на тот момент в Африке. Капитан Такер Уэйн согласился разыскать ветеринара из «Всемирной охраны здоровья» и доставить его на место событий, пока «Сигма» еще только добирается до африканского континента. Независимо от того, реальной или нет окажется угроза, «Сигма» намеревалась оказаться там *первой*, готовая это выяснить.

³² Архитектурно главное здание Смитсоновского института представляет собой замок в неороманском стиле.

– От капитана Уэйна ничего не слышно? – спросила Лиза, подаваясь ближе к экрану. Ее светлые волосы были стянуты в хвост на затылке, на носу пристроились очки для чтения. – Удалось ему найти доктора Уитакера?

Пейнтер кивнул.

– Они уже по пути в Кисангани. Должны через час приземлиться, и сразу же вертолетом в лагерь.

– Погодите, – вмешался Монк. – Я думал, план заключался в том, что все мы встречаемся в университете Кисангани и первым делом оборудуем там базу для дальнейших операций.

– Вам лететь еще как минимум пять часов, – объяснил Пейнтер. – И через этот район катится целая серия грозовых фронтов, способных посадить любой вертолет. Чтобы избежать дальнейших задержек, Такер согласился попробовать проскочить перед очередной грозой, пока она не разразилась в полную силу. Особенно после последних сведений из лагеря.

– Каких сведений? – уточнил Грей.

– Два часа назад поступил еще один неразборчивый радиовывоз. От того же врача, который там работает. На заднем плане слышалась стрельба. Врач предостерег, чтобы никто и не думал соваться в лагерь.

– Тогда, пожалуй, Такеру стоит дожждаться нас, – заметил Грей. – Кто знает, в какую поганку они с этим ученым могут вляпаться?

– Я уже это учел. Бойцы ВСДРК³³ – вооруженных сил Демократической республики Конго – полетят впереди них. Все спешат проскочить перед грозой. Только после того, как конголезские военные скажут, что все чисто, Такер двинет туда. Пока мы тут с вами разговариваем, группа ВСДРК как раз вылетает из Кисангани.

– Они уже в воздухе, – поправила Кэт. – Летят на двух «вертушках».

– И все-таки, может, Такеру стоит дожждаться нас? – произнес Грей. – Мы даже не знаем, есть ли на самом деле какая-то реальная угроза. Он может зря подвергнуть опасности себя и доктора Уитакера.

Пейнтер секунду хранил молчание.

– Расскажи им, Кэт.

Та сместилась в кресле, явно читая с экрана стоящего рядом компьютера. В момент сеанса связи она находилась в коммуникационном центре «Сигмы».

– Я изучила радиообмен и разведданные и по всей Африке. Полевой лагерь ВОЗ³⁴ в Уганде, неподалеку от границы с ДРК, сообщил о странных случаях чего-то вроде кататонии³⁵ среди контингента, поступающего к ним из джунглей. За последние две недели число людей с такими симптомами неуклонно растет. ВОЗ пока не стала распространять эту информацию из-за отсутствия летальных исходов. А потом и в одной больнице в Бурунди, дальше к югу, зафиксировали несколько схожих случаев – люди вдруг становились неповоротливыми и молчаливыми. Не исключено, что нечто подобное происходит и в Судане, хотя окончательного подтверждения пока нет.

– Выходит, поражен не только этот ооновский лагерь, – заключила Лиза. – Похоже, что-то и вправду распространяется. Но каким образом?

Кэт опять подвинулась и вывела в другое окно географическую карту Центральной Африки, на которую были наложены стрелки и дуги с направленными в одну сторону треугольными зазубринами.

³³ FARDC – Forces armées de la république démocratique du Congo (*фр.*).

³⁴ ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения.

³⁵ Кататония – состояние, при котором человек становится невосприимчивым к внешним раздражителям и теряет способность нормально двигаться и говорить.

– Это карта погоды, – объяснила она. Нажав на кнопку, привела стрелки и дуги в движение – они медленно поползли по экрану. – Здесь наглядно показаны направление и сила весеннего муссона, который и привел к недавнему паводку. Насыщенные влагой потоки воздуха с Атлантики движутся к северу и востоку, наталкиваясь на жаркие сухие ветра, дующие к югу из Сахары.

Лиза с гримасой выпрямилась.

– Кэт, ты ведь не думаешь, что...

– Все зафиксированные случаи лежат как раз на пути этих ветров, – мрачно подтвердила та. – Уганда, Бурунди, даже Южный Судан... Может, это просто совпадение. Но я поискала другие схожие доклады из районов южнее Анголы и Замбии. – Кэт помотала головой. – Пока что ничего. В той стороне все тихо.

Грей перевел взгляд с Лизы на Кэт.

– И ты предполагаешь, что эта предположительная зараза переносится по воздуху – сеется этими муссонными ветрами?

– На данный момент это не более чем предположение, – отозвалась Кэт.

Лиза сняла свои очки для чтения.

– Вообще-то теоретически возможно, чтобы вирусная инфекция распространялась таким образом. Уже неопровержимо доказано, что с неба каждый день на нас сыплются миллионы вирусов, разносимые верхними слоями атмосферы.

Монк нахмурился.

– Да, такое вполне может быть. Но сомнительно, чтобы такое количество частиц оказалось достаточно заразным. Передача воздушным путем – от человека к человеку – и вправду имеет место, но вирусам необходим «хозяин», в роли которого выступает инфицированный организм. Лишь немногие вирусы способны выжить в среде вне такового, особенно на солнечном свете и при ультрафиолетовом излучении.

– Это не совсем так, – возразила Лиза. – В то время как вирусы гриппа способны выжить на открытых поверхностях лишь день-два, те же вирусы ОРВИ могут сохранять патогенность почти неделю. А есть и другие, которые остаются жизнеспособными еще дольше. Хотя, как и сказала Кэт, все это не более чем предположение.

– Вот почему нам нужно больше информации с мест и объективных данных, – заключил Пейнтер.

– И как можно быстрее, – добавил Грей. – Что-то мне подсказывает, что скоро я из Африки не уеду.

Пейнтер был с этим явно согласен.

– Я хочу, чтобы ты пока отложил свой отпуск.

Со всех точек зрения для Грея этот реактивный самолет был чем-то вроде вовремя подвезшейся попутки на дороге. Поскольку ситуация в Конго оставалась неопределенной, он рассчитывал добраться до этого региона за компанию с медицинской группой «Сигмы», расставить всех по местам и отправиться дальше. Его собственная подготовка в «Сигме» – после того, как его уволили из спецназа по решению военного трибунала – сосредоточилась на сплаве физики и биологии, так что при решении чисто медицинских вопросов проку от него было бы немного.

План его заключался в том, чтобы из Африки двинуть прямиком в Гонконг – навестить свою подругу Сейхан и их маленького сынишку, которые гостили у ее матери. Уехала Сейхан две недели назад, намереваясь пробыть там месяц. Грей рассчитывал провести с ними оставшуюся часть ее визита.

«Теперь, похоже, ничего не выйдет».

Он и сам не знал, что именно чувствует по поводу этой перемены. Ему очень хотелось увидеть Сейхан и Джека, но Грей не мог сбросить со счетов и более настойчивый зов своего

сердца. В последнее время в деятельности «Сигмы» наступило затишье. Во время пандемии терроризм в глобальном масштабе практически сошел на нет. Региональные стычки все еще продолжались, но введенные повсеместно локдауны препятствовали расширению террористической деятельности за пределы государственных границ.

«Но сейчас...»

И хотя Грею нравилось быть отцом и строить домашнюю жизнь с Сейхан, в глубине души он оставался бойцом. Его уши были навеки настроены на посвист пролетающих мимо пуль, на доплеровский эффект разлетающейся шрапнели. В его крови бежало оружейное масло. Он жаждал кислого дымка перестрелки в воздухе, тех моментов, когда время замедляется и потоком накатывает адреналин. Грей бросил взгляд на Монка, заметив, как тот непроизвольно сжимает кулак.

«Он тоже это чувствует».

И все же заметил Грей и подрагивающие морщинки в уголках глаз своего друга. Как и Пирс, Монк тоже был отцом. Есть ли у них обоих какое-то право подвергать себя опасности, когда дома маленькие дети? Все настоящие бойцы борются с этим разделением надвое, когда их тянет в разные стороны одновременно.

У Грея была и другая причина чувствовать себя неудобно. Он представил себе Сейхан, щедрые изгибы ее тела, ее чуть кривоватую улыбку, ее искусное владение ножом и стволом. Она была таким же воином, как и он сам.

Если в Африке все полетит к чертям...

«Ей не понравится, что она все это пропустит».

Неудовольствие подобной переменной планов выразил и еще один пассажир.

Позади Грея послышался стон, донесшийся с диванчика по правому борту салона, за которым последовало потрескивание суставов, когда последний член команды проснулся и потянул руки и ноги. Грей бросил взгляд за спину. Джо Ковальски кое-как перевел свою массивную тушу в вертикальное положение. Провел огромной ладонью по темной щетине на черепе. Бросил насупленный взгляд на собравшихся перед ним.

– Так, значит, придется там застрять? – хриловато проворчал он.

Как и у Грея, у Ковальски не было никакой особой роли на этом задании. Бывший моряк был специалистом-взрывником «Сигмы», но в данный момент находился на больничном. Четыре месяца назад у него диагностировали множественную миелому в третьей стадии – рак плазматических клеток. Прогноз был мрачный, хотя симптомы, помимо некоторой анемии, были на данный момент едва заметными. Ковальски уже прошел курс лечения дексаметазоном и ингибитором протеазы, хотя Грей слышал, что его онколог рекомендовал трансплантацию стволовых клеток, перед которой костный мозг пациента необходимо полностью разрушить химиотерапией.

Всегда отличающийся упрямством, Ковальски отказался от столь радикального курса – по крайней мере, на данный момент.

И вместо этого направлялся сейчас в Республику Конго, расположенную прямо к западу от ДРК, в национальный парк Вирунга – повидать свою невесту, Марию, которая присматривала за их приемным сыном Баако – молодым гибридом гориллы, выпущенным там на свободу в заповедник³⁶. Пейнтер предостерегал Ковальски против этой поездки в Африку, особенно с учетом того, что миелома ослабляет иммунную систему больного – хотя не то чтобы кто-то когда-либо использовал слово «слабый» или «больной» в отношении этого мускулистого бычары. И все же Ковальски настоял на том, чтобы присоединиться к остальным, напирая на то, что раз уж по джунглям разнеслась весть о какой-то неведомой угрозе, то и его невеста,

³⁶ События, связанные с Баако, описываются в романе Дж. Роллинса «Костяной лабиринт».

и мохнатый «сын» тоже могли оказаться в опасности. Он намеревался оказаться там, чтобы защитить их обоих.

Пейнтер в конце концов сдался.

«Ну как я мог не уступить?»

Ковальски был не из тех, кто лежит пластом на больничной койке. Он будет драться столько, насколько хватит сил. Вдобавок, все прекрасно помнили, каким именно образом этот человек заработал рак – подвергнувшись воздействию серьезной дозы радиации во время предыдущего задания, чтобы спасти остальных³⁷.

«Так что все мы теперь его должники, и пусть он ни в чем себе не отказывает».

На вопрос Ковальски ответил Монк:

– На увеселительную прогулку мы и не рассчитывали. Похоже, там и вправду происходит что-то серьезное.

– Ну ладно, ладно, – проворчал Ковальски, опять раскидываясь на диванчике. – Разбудите меня, когда мы будем на месте.

Грей повернулся к лицу Пейнтера на экране.

– Нам что-то еще следует знать?

– На данный момент это все. Если будут новые сведения, получите перед посадкой. А пока что советую всем взять пример с Ковальски и немного отдохнуть. Что-то подсказывает мне, что по прибытии вам придется пошевеливаться.

Грей в этом ничуть не сомневался. Он отключил связь, и все вернулись к своим собственным местам и мыслям. Его сердце теперь билось еще сильнее. Коммандер представил себе инфекционную бурю, проносящуюся над сердцем Африки. Возникло чувство, что его группа, которой было поручено взять под контроль эту кризисную ситуацию, уже здорово отстаёт от графика, и хотелось поскорей уже оказаться на земле.

Но впереди оставалось еще несколько часов лета.

Так что первыми на месте событий предстояло оказаться не им.

23:16 по центральноафриканскому времени

Кисангани, Демократическая Республика Конго

С рюкзаком на плече и пистолетом «Дезерт Игл» в набедренной кобуре Такер спешил по темному, мокрому от дождя асфальту Международного аэропорта Бангока – маленького аэродрома, расположенного к востоку от города Кисангани. Их «Сессна Гранд Караван» приземлилась несколько минут назад, пилотируемая его приятелем Кристофером Нкомо, которому вместе с его братом Мэттью предстояло выгрузить пятнадцать красных пластиковых ящиков, содержащих мобильную лабораторию Фрэнка, и доставить их в университет Кисангани.

Погода тем временем поджимала все сильнее.

Такер шел следом за солдатом ВСДРК в камуфляжной униформе и ярко-оранжевом жилете.

Сбоку от Такера трусил Кейн. Даже вблизи густая черно-коричневая шкура бельгийского малинуа делала его похожим на тень Такера. Мех овчарки пропитался дождевой водой; пес регулярно встряхивался всем телом, но это особо не помогало. Кейн молча наблюдал за обстановкой, даже ни разу не фыркнув и высоко подняв остроконечные уши.

С другой стороны от Такера шел доктор Уитакер с рюкзаком за плечами, где лежало все необходимое для забора образцов. Ветеринар выглядел так, словно не постарел ни на один день с тех пор, как Такер уволился со службы. Может, разве что в коротко стриженных волосах появилось несколько седых прядок. В прилипшей к телу одежде он выглядел все столь же

³⁷ См. роман Дж. Роллинса «Последняя одиссея».

худощавым и стройным. Некогда все трое вместе совершали пробежки под жарким солнцем, поднимая ногами вековой красный песок на окраинах Багдада.

Бо́льшую часть своей службы Такер провел в Афганистане, потеряв там своего четвероногого напарника Абея, однопометника Кейна. После этого Такера, обезумевшего от горя и почти безутешного, переправили в Ирак, где как раз в основном именно Фрэнк и способствовал тому, что ему удалось вновь обрести самого себя и цель в жизни. Ветеринар даже помог увольняющемуся в запас Такеру украсть Кейна. В то время срок службы пса еще не истек, но, потеряв Абея, Такер просто не мог оставить своего мохнатого напарника. Оба они пролили вместе достаточно крови. Так что, под покровом ночи и при помощи подделанных Фрэнком документов, Такер улетел на родину, прихватив с собой Кейна. Со временем этот серьезный проступок был предан забвению – благодаря помощи, оказанной Такером «Сигме» в прошлом. И все же он знал, что ничего из этого не вышло бы без помощи его друга.

Такер покосился на Фрэнка.

«Этому человеку я обязан всем».

Конголезский сопровождающий вел их к вертолету, стоящему на площадке. Винты медленно крутились – пилот не давал двигателю остыть.

Такеру хотелось прибавить шагу. Он уже слышал от директора Кроу об опасениях «Сигмы» относительно того, что неведомая зараза способна распространиться за пределы этих границ. Ее надо было срочно остановить. Любовь Такера к африканскому континенту уходила в самую глубину его души. С некоторых пор Африка стала его родным домом и надежным прибежищем. Природная красота ее ранила его в самое сердце. Пару лет назад вместе с братьями Нкомо – Кристофером и Мэттью – он вложил кое-какие свои сбережения в шикарный лагерь для сафари в природном заказнике «Спитскоп» в Южной Африке. Месяц назад Такер в очередной раз вернулся туда из Штатов, проведя некоторое время на Юго-Западе, и присоединился к братьям для разведки второго места для их растущего предприятия.

«Пока не позвонили из «Сигмы».

Фрэнк на ходу наклонился к нему.

– Думаешь, можно лететь в такую погоду?

Такер пожал плечами.

– Видимость из-за дождя будет отвратная, но, пока не разразилась настоящая гроза, думаю, проскочим. Тут сорок минут лета.

– А что, по-твоему, там произошло? Почему доктор Джеймсон вдруг передумал и настоятельно просил не появляться там?

– Не знаю, но конголезские военные должны изолировать лагерь до того, как мы туда доберемся. По словам Кроу, два военных вертолета – транспортник «Пума» и еще один, поменьше, с огневой поддержкой – вылетели туда несколько минут назад.

Такер и все остальные наконец дошли до стоящего на площадке вертолета и вместе со своим сопровождающим поднырнули под вращающиеся лопасти. Поджидающая их «вертушка», принадлежащая местным военным – «Газель Аэропасьяль», – представляла собой легкий одномоторный летательный аппарат, достаточно универсальный, скоростной, маневренный и идеально подходящий для относительно коротких перелетов в неблагоприятных условиях. Сопровождающий открыл боковую дверцу и засунул голову внутрь, что-то крикнув пилоту.

Коротко переговорив с ним, солдат опять повернулся к пассажирам. По-английски он говорил с французским акцентом.

– Быстро приближается гроза. Либо летите прямо сейчас, либо вообще не летите.

Такер повернулся к Фрэнку.

– Согласно прогнозу, гроза будет бушевать всю ночь. Можем подождать, пока к утру небо не очистится.

Фрэнк сложил руки на груди, явно сомневаясь, как поступить, – разрываясь между неотложностью задачи и разумной осторожностью.

– Если там уже что-то распространяется, даже один день может оказаться решающим. – Он бросил взгляд на темный лес. – И, как ты сказал, наши конголезские друзья уже в пути. Если мы взлетим прямо сейчас, то можем последовать за ними. Если там какие-то проблемы, военные просто свяжутся с нами по радио, и мы сразу повернем назад. Как думаешь?

Такер бросил вопросительный взгляд на сопровождающего. Тот лишь пожал плечами.

Фрэнк расцепил сложенные на груди руки и показал на открытую дверцу.

– Я бы сказал, надо лететь.

Кивнув, Такер мотнул головой на вертолет.

– Тогда так и поступим.

Ветеринар забрался на заднее сиденье. Взмахом руки Уэйн приказал Кейну запрыгнуть следом, и овчарка пристроилась по соседству с Фрэнком. Когда Такер последовал за ней, пилот повернул к ним недовольное лицо.

– Никаких собак! – выкрикнул он сквозь шлем.

Такер ожег его взглядом.

– Вы неправы. Он *не собака*. – Он ткнул пальцем в Кейна. – Он – *солдат*.

Кейн издал негромкий угрожающий рык, словно подтверждая его слова.

Наклонившись вперед, Фрэнк показал большим пальцем на овчарку.

– Сэр, пожалуй, вам стоит прислушаться к нашему мохнатому другу.

Пилот негромко чертыхнулся и опять отвернулся от них.

Такер ухмыльнулся Фрэнку.

– А я и не знал, что ты говоришь по-собачьи.

Тот пристегнул ремень безопасности.

– Не так уверенно, как ты. Я уже видел вас с Кейном в деле.

– Скорее Кейна, чем меня.

И все же Такер ощутил прилив гордости как за себя, так и за своего четвероногого напарника. Кейн знал тысячу слов, сотню жестовых сигналов, но вовсе не это накрепко связало обоих. Все это выковывалось на протяжении многих лет, что они провели вместе, – те невидимые узы, что соединяли их надежней любого поводка и позволяли обоим легко читать и понимать друг друга без всяких слов и жестовых сигналов.

Такер потрепал Кейна по холке, когда винты закрутились еще быстрее, разгоняя струи дождя. Рычание мотора перешло в рев. Уэйн ощутил дрожь в теле напарника. Это был не страх, а возбуждение. Кейн готовился к решению очередной нелегкой задачи, весь подобравшись и явно в восторге от того, что снова при деле. Пес глянул со своего места на Такера. Янтарные глаза овчарки отблескивали золотом в свете огоньков кабины.

«Готов, приятель?»

Кейн ответил, ткнув Такера носом в щеку.

«Ну конечно же, готов!»

Удовлетворенный, Уэйн откинулся на сиденье. Он не знал, что их ждет впереди, – не сомневался лишь в том, что они с Кейном встретят это вместе.

«Как и всегда».

5

23 апреля,
23:17 по центральноафриканскому времени
Провинция Чопо,

Демократическая Республика Конго

Шарлотта вздрогнула, когда снаружи хлопнул выстрел.

Стрелок появился за спиной у Бенджи, заталкивая аспиранта глубже в шатер. Это был один из бойцов КИОП – скорее всего, из тех, что сопровождали Ндая в поисках пропавшего биолога. Мужчина в камуфляже занял пост у полога шатра, выставив ствол винтовки наружу.

Обойдя шамана и его подмастерья, Ндай подошел к своему подчиненному.

Джеймсон тоже шагнул к Бенджи.

– Что там происходит?

Глаза аспиранта быстро моргали от дикого страха.

– Они приближаются! – выдохнул он.

Сквозь грохот грома прорезался какой-то улюлюкающий вой. Ему ответил целый хор, звучащий словно отовсюду. Все волосы на теле Шарлотты зашевелились от первобытного ужаса.

– Нам нужно уходить! – выдохнул Бенджи. – Они прорвутся прямо сквозь шатер!

Джеймсон схватил биолога за руку.

– Что вы там видели?

Договорить им не дали звуки выстрелов. Экогвардеец у входа вздернул винтовку, упершись щекой в приклад. И тут вдруг что-то большое ударило его в спину – достаточно сильно, чтобы выбить его за пределы видимости. Мужчина вскрикнул, ударившись о стенку шатра. Стал бороться с чем-то, что намертво вцепилось в него. На ткань брызнула темная кровь.

Бенджи ударился в бегство, увлекая их всех назад. Схватив Дисанку и ее младенца, Шарлотта последовала за остальными.

Возле полога шатра Ндай упал на колено, подняв автомат. Выстрелил раз, потом другой, целясь в бесформенный ком, который откатывался от шатра. Крики гвардейца сменились бульканьем, потом стихли.

Выругавшись, Ндай ретировался, увлекая за собой шамана и его ученика.

Воко заглянул за плечо Ндая.

– Ньяни...

Шарлотта нахмурилась. Она знала это слово, но оно не могло соответствовать действительности.

Словно чтобы доказать ее неправоту, сквозь полог ворвался массивный силуэт. Ростом это существо было ей разве что по пояс, но весило больше пятидесяти кило. Всклопоченный серо-зеленый мех его был пропитан водой и перемазан в грязи. Существо присело на задних ногах, балансируя на одном предплечье. В огромных глазах его светилась ярость. Оно завопило на них, закатив губы на своей похожей на собачью морде, обнажив розовые десны и длинные как пальцы клыки.

«Ньяни» – это «бабуин» на суахили.

Когда вокруг стали разноситься такие же дикие вопли, Ндай выстрелил в зверя, угодив ему в плечо. От удара того развернуло задом наперед, а потом он скакнул прямо на них. Попятившись, Ндай умудрился выстрелить еще раз. Голова бабуина с треском отдернулась назад, и его тело рухнуло на пол.

Подскочив к окровавленным останкам, Ндай быстро застегнул «молнию» полога, перекрыв вход. Хотя вряд ли это обещало особую защиту. Он тоже это прекрасно понимал.

– Нам нельзя здесь оставаться!

– Я... я пытался вас предупредить, – выдохнул Бенджи.

Шарлотта уставилась на тело на полу. Все больше темных силуэтов металось по всему лагерю. Один перескочил прямо через крышу шатра, отчего она невольно пригнулась. Вой и дикие крики доносились теперь отовсюду. Было похоже на то, что целые сотни бабуинов захватили лагерь.

Она все еще не могла понять подобного поведения. Присутствие бабуинов не было в лагере чем-то необычным. В предыдущие дни сюда время от времени проникали эти мохнатые воришки – тащили еду со столов или рылись в помойках. Эти серые мохнатые обезьяны – *Papio anubis*, или оливковые бабуины – были распространены по всему Конго. Но до сих пор они представляли собой не более чем досадную докучу. Хотя не то чтобы не были опасны – Шарлотта где-то читала, что бабуины способны скопом наброситься на леопарда и убить его. И все же ее заверили, что эти довольно робкие существа не представляют собой большой угрозы, если их только не провоцировать, а разогнать воришек можно простым окриком, что оказалось правдой.

«Но явно не сейчас».

– Что будем делать? – спросил Джеймсон.

Снаружи сквозь разноголосый вой послышался беспорядочный треск выстрелов, доносящийся с противоположной стороны лагеря. Шарлотта обменялась обеспокоенным взглядом с Ндаем. Там находились еще двое из его группы. Они охраняли последний грузовик КИОП, готовый к эвакуации, – на случай появления мародеров. И вот теперь экогвардейцам пришлось держать оборону против бабуинов и охранять пациентов.

Она представила себе осажденный грузовик – их единственное средство спасения, прекрасно понимая, что их всех ждет.

«Теперь нам до него уже не добраться».

Ндай, судя по всему, пришел к тому же заключению. Сорвав с пояса рацию, он поднес ее к губам и быстро заговорил по-французски, приказывая людям на грузовике уезжать, пока это возможно, и следовать за первым.

Джеймсон, который услышал его слова, достаточно хорошо понимал по-французски, чтобы понять смысл приказа. Он схватил Ндаю за руку.

– Что вы делаете? Велите им подъехать сюда! Забрать нас!

Ндай выдернул руку, сохраняя полное спокойствие.

– *Non*. Их перехватят, прежде чем они доберутся сюда. Лучше пусть уезжают. Вдобавок, шум и движение будут нам только на руку.

– Каким образом? – спросил Джеймсон.

Взревел мотор грузовика, громко заскрежетали шестеренки. Отрывисто зарывал клаксон, словно посылая сигнал бедствия на азбуке Морзе, – звук его стал постепенно стихать, когда машина двинулась в джунгли. Впрочем, адресован этот сигнал был не тем, кто остался в шатре, а мечущейся снаружи ораве.

Еще один бабуин запрыгнул на конек шатра, протопал по крыше и кинулся вдогонку удаляющемуся грузовику. Судя по уханью, воплям и вою, которые тоже становились все тише, основная часть стаи бросилась преследовать грузовик.

«Они пытаются увести их подальше...»

– У нас не слишком много времени для поисков лучшего укрытия, – прошептал Ндай.

Сжав зубы, Шарлотта прислушалась. Было слышно, как несколько фигур все еще шарятся поблизости, прямо у входа в тент, с бурчанием переворачивая ящики. Несколько бабуинов все-таки остались.

«Но сколько?»

Шарлотта подвинулась ближе к Ндаю и показала вглубь шатра.

– А как насчет того, чтобы попробовать добраться до этой затопленной деревни? У некоторых строений деревянные стены и жестяные крыши.

Она посмотрела на остальных, чувствуя себя так, будто угодила прямоком в сказку «Три поросенка» и теперь убеждает остальных персонажей бросить это хлипкое убежище и перейти во что-нибудь покрепче.

«Был бы у нас тут поблизости кирпичный дом...»

Бенджи кивнул.

– Хорошая мысль. Бабуины умеют плавать, но предпочитают этого не делать. Вода может отвадить их от преследования.

– Тогда поспешим, – заключил Ндай. – И давайте потише.

Он подступил было к застегнутому пологу, но Воко схватил его за руку и помотал головой.

– *Хапана!*

Развернувшись, шаман направился в противоположную сторону, к задней части шатра. В руке у него появился длинный клинок. Воткнув его в ткань, он прорезал ее сверху вниз, образовав новый выход, подальше от шума спереди. Раздвинув прорванную ткань, Воко махнул остальным.

– *Эндеlea!* – настойчиво произнес он.

Джеймсон повиновался, поспешив к новой двери. Ему явно хотелось поскорей выйти из ненадежного шатра – но он не хотел быть *первым*. Обхватив Бирна за плечи, протолкнул его в разрез. Санитар-швейцарец червем выбрался наружу. И лишь убедившись, что тому ничего не грозит, за ним последовал и Джеймсон.

Шарлотта задержалась лишь для того, чтобы подхватить со столика на колесиках скальпель, а потом помогла Дисанке с младенцем пролезть в щель и выбралась вслед за ними, стараясь двигаться как можно тише.

Снаружи под прикрытием шатра на корточках притаились Джеймсон с Бирном. Поливаемый дождем лагерь скрывался в темноте, подсвеченный лишь кругами света от подвешенных на шестах ламп, запитанных от генератора. Гроыхнул гром, и вспышки молний вдалеке на миг осветили темные тучи. По крайней мере, дождь смыл большинство муравьев под ногами.

Сжав в кулаке крошечное лезвие, Шарлотта присмотрелась к реке.

За россыпью шатров и грубых шалашей смутно вырисовывались очертания затопленной деревни. Река отражала нарастающую битву в небесах, вода то коротко проявлялась, то пропадала.

К остальным присоединились Воко и Фарайи. Мальчишка крепко сжимал лямки рюкзака с его драгоценным грузом – ларцом бакуба с маской на крышке. Выбравшись вслед за Бенджи, Ндай обвел взглядом собравшихся.

Джеймсон возбужденно переминался с ноги на ногу, явно в нетерпении тронуться в путь. Он скорее всего уже сорвался бы с места, только вот взгляд его то и дело останавливался на автомате Ндая – единственном оставшемся у них оружии. Педиатр явно намеревался держаться к нему как можно ближе.

Взмахом руки Ндай привел всех в движение.

Они двинулись через лагерь, избегая кругов света от ламп и обходя особо глубокие лужи, чтобы плеск воды не привлек внимание бабуинов. Перед ними медленно вырастали очертания деревни, выделяясь на фоне отражающихся в воде вспышек молний.

Шарлотта постоянно оглядывалась назад, наострив уши на предмет любой угрозы, но постоянный грохот грома и шелест дождя заглушали все прочие звуки. Дышать она старалась как можно тише, хотя уже начинала выдыхаться. Вдруг цепь молний сверкнула прямо у них над головами, а гром гроыхнул с такой силой, что по лужам побежала рябь.

И в этот момент ее внимание привлекло какое-то движение на крыше одного из шатров слева. Там резко поднялся большой лохматый силуэт, ярко высвеченный вспышкой. Он казался просто огромным, гораздо больше любого из бабуинов. Или, может, так просто показалось от страха. Мелькнули еще какие-то тени, справа от нее, на самом верху затянутого сеткой штабеля ящиков.

«Наблюдатели...»

Шарлотта не знала, заметили ли ее и остальных в короткой вспышке молнии, но ее тревога на этот счет уже не имела значения. Где-то рядом послышался пронзительный крик, исторгающийся из крошечного горла. Грохот грома, должно быть, напугал младенца. Дисанка покрепче прижала его к себе. Джеймсон метнулся к ней, раскинув руки, – вид у него был такой, будто он готов придушить ребенка, только чтобы заставить его замолчать.

Дисанка отпрянула к Шарлотте. Но исправлять ситуацию было уже поздно.

Наблюдатель слева коротко твякнул. Сигнал был передан даже еще громче вторым бабуином. Оба исчезли, спрыгнув со своих насестов и исчезнув во тьме. За спиной у группы поднялись вопли из множества глоток.

«Их слишком много...»

– Бежим! – выкрикнул Ндай.

Они ударились в бегство, рассыпавшись по сторонам. Шарлотта держалась поближе к Дисанке и ее младенцу, мчась вслед за Джеймсоном и Бирном. Бирна ударили в бок, и он растянулся в грязи. Здоровенный бабуин принялся молотить его и рвать когтями. Обороняясь, санитар поднял руку, которая встретила лишь клыки и мощные челюсти зверя. Хрустнула кость запястья. С рывком бабуиной головы кисть оторвалась, оставляя за собой дугу крови.

Бирн истошно закричал.

Тут Шарлотту оглушили два выстрела прямо над ухом. Полетели клочья меха, но зверь лишь отпрыгнул в сторону и прильнул к земле. Она бросила взгляд за спину, ожидая увидеть Ндая, но это был другой боец КИОП, маленький человечек в таком же обмундировании. Он промчался мимо нее. Шарлотта осознала, что охранник, должно быть, прибежал от грузовика – может, где-то прятался, когда машина уехала, и теперь направился к ним на помощь.

Боец бросился к Бирну и вздернул санитару на ноги. Тот с трудом потащился дальше, шатаясь и прижимая к груди обрубок руки.

Джеймсон, который никого не стал ждать, уже вырвался далеко вперед. Он уже достиг края деревни, но не замедлил бег, пока не плюхнулся в воду в затопленной ее части.

Шарлотта вместе с Дисанкой устремилась за ним.

Вопли и вой преследовали их, быстро приближаясь.

Ахнув, Шарлотта с быстро забившимся сердцем бросилась бегом.

«Нам нужно успеть...»

Жуткий крик послышался слева от нее. Она глянула туда. В пятнадцати метрах от нее Фарайи лежал лицом вниз в грязи – его силуэт рвали сразу две мохнатые тени. Парень катался и отбивался – больше чтобы удержать свой синий рюкзак на месте, чем защитить самого себя.

Шарлотта толкнула Дисанку к бойцу КИОП.

– Помогите ей! Давайте за доктором!

После чего покрепче сжала скальпель и устремилась к Фарайи.

Воко первым оказался возле своего подмастерья. Пинком ноги старый шаман откинул одного из бабуинов прочь. Второй откатился вбок, оскалив длинные клыки и злобно шипя. Еще больше зверей стремительно приближалось к ним, оглашая тьму оглушительными воплями.

На бегу Шарлотта заметила за ними Ндая. Он вздернул к плечу автомат, но не стрелял, явно опасаясь задеть кого-то из своих. Из-за плеча командира экогвардейцев выглядывал испуганно присевший Бенджи.

Прежде чем Шарлотта успела добежать до шамана, тот широко раскинул руки и крутнулся на месте. С пальцев у него как по волшебству слетел желтоватый порошок. Она поняла, откуда он взялся, представив себе тот флакончик, вынутый из ларца бакуба. Прежде чем дождь успел прибить порошок к земле, пару окружило призрачное облачко.

Бабуины попробовали прорваться сквозь него – только для того, чтобы внезапно остановиться и осадить назад, испуганно ухая.

Воко впереди воспользовался короткой передышкой, чтобы ухватить Фарайи за воротник. Вздернув парнишку на ноги, он подтолкнул его к Ндаю. Мальчик рванул туда, вцепившись в единственную уцелевшую лямку рюкзака – другая была порвана в клочья.

Это лихорадочное движение привлекло внимание нескольких бабуинов, которые бросились за ним.

Ндай выстрелил, целя поближе к ногам парня.

Воко ждал слишком долго. Дождь быстро очистил воздух от порошка. Отпрянувшие было бабуины принялись, высоко задрав носы, а потом как один набросились на шамана. Стая ударилась в него со всех сторон, накрыв с головой.

Во вспышке молнии сверкнули клыки. Они погрузились в горло колдуна. На миг перед Шарлоттой в свете очередной молнии сверкнули воздетые к небу глаза Воко.

А потом темнота скрыла худшее из этого зрелища.

Без единого вскрика Воко рухнул на землю под навалившимся на него весом. Но перед этим что-то сверкнуло в воздухе, пролетев через луч света от фонаря, и упало в грязь рядом с Шарлоттой.

Она быстро нагнулась, уже понимая, что это.

Огляделась, стиснув в одной руке флакон, а в другой – скальпель. За истерзанным телом шамана Фарайи врезался в Ндая. Экогвардеец перехватил парнишку и толкнул его дальше к Бенджи. После этого Ндай один раз выстрелил в воздух, удаляясь от Шарлотты и увлекая за собой бабуинов. Крикнул ей:

– Бегите!

Окруженная со всех сторон грохотом грома и разноголосым воем, она развернулась и бросилась в другую сторону, вдогонку за группой Джеймсона. Ей очень не хотелось, чтобы уцелевшие разделялись, но у них не было другого выбора.

6

23 апреля, 23:28

Провинция Чопо,

Демократическая Республика Конго

Бенджи никогда так не был рад доказательству своей правоты – о том, что бабуины побавляются глубокой воды, он до сих пор знал лишь чисто теоретически.

Тяжело отдуваясь, он брел по пояс в темной воде, загребая руками. Ндай и парнишка по бокам от него лихорадочно продвигались все дальше от берега, чтобы забраться поглубже в затопленную деревню. За их спинами войско бабуинов злобно визжало с суши, не желая лезть в раздувшуюся от грозы реку.

И не без причины.

Течение оказалось очень сильным и угрожало выдернуть из-под Бенджи ноги при каждом шаге. Чтобы удержаться на ногах, он уперся рукой в стенку деревянной хижины. Наконец добрался до двери, но миновал ее.

«Это не лучшее место».

Крыша у этой крошечной постройки была из пальмовых листьев – практически никакая защита на случай нападения бабуинов, – поэтому он продолжил брести дальше, уже выбрав другую цель. Впереди из воды торчало строение с крышей и стенами из проржавевшего железа.

«То, что надо...»

Бенджи поспешил к этому укрытию, настороженно наблюдая за рекой.

Опасность здесь представляли не только сильное течение и водовороты. Он постоянно высматривал на темной глади воды крокодилов и гиппопотамов, одинаково опасных. Молился, чтобы гроза загнала этих чудовищ либо куда-нибудь повыше, либо на более глубокую воду.

И все равно изучал реку, пытался читать ее, как книгу, опасаясь приметить характерную рябь и фонтанчики водяного пара из ноздрей этих водоплавающих тварей.

Ничего.

«Наверное, мои молитвы были услышаны».

Мать Бенджи всегда придавала большое значение личным обращениям к Богу, строго раз в неделю посещая мессы в церкви Святого Иакова. Она уверяла, что если будешь достаточно упорно молиться, то получишь все, о чем просил.

К несчастью, в эту ночь Бенджи не совсем четко понимал, чего конкретно ему хочется.

Рычание и лающие вопли у него за спиной стали громче.

Он оглянулся через плечо. Шеренга темных силуэтов слаженно перепрыгивала с крыши на крышу над паводковой водой. Бабуины явно нашли способ продолжить преследование, не входя в реку.

Ндай тоже это понял.

– Быстрей!

Бенджи проворней заработал ногами и руками, борясь с течением и собственной паникой. Строение с железной крышей маячило всего лишь в нескольких ярдах впереди. Он с трудом пробивался через все более глубокую воду.

Вопли бабуинов эхом метались по деревне у него за спиной.

Наконец Бенджи добрался до искомого дома и двинулся вдоль стены. В стене впереди открылся черный дверной проем. Он еще быстрее устремился к нему, увлекая за собой остальных. Оказавшись на пороге, заметил две разочаровывающие вещи. Собственно двери не было, и речная вода свободно вливалась в проем. И, что хуже всего, помещение уже было занято. Другие живые существа нашли здесь убежище от грозы.

На небе сверкнула молния – достаточно ярко, чтобы открыть слой поблескивающих длинных плетей, извивающихся на глади стоячей воды. Затопленное однокомнатное строение почти полностью заполнял собой целый клубок этих скользких, переплетенных между собой гадин.

«Змеи...»

23:31

На другой стороне деревни Шарлотта потуже затянула ремень на предплечье Бирна. Она надеялась, что самодельный жгут остановит кровь, струящуюся из культи, – бабуин напрочь оторвал санитару кисть руки.

Бирн тяжело опустился на табурет, который она нашла в затопленном доме. Только вес его тела и удерживал стремящийся всплыть табурет на месте. Санитар трясся всем телом. Глаза закатились, показывая бледные белки. Он был в шоке и мог в любую секунду потерять сознание от боли и кровопотери.

Охранник КИОП, которого звали Кенди, стражем встал у двери, которую он оставил слегка приоткрытой, чтобы присматривать за берегом. Бабуины все еще завывали там, но как следует рассмотреть их не позволяла темнота и ряд стоящих возле берега домов.

Джеймсон нависал у Кенди за плечом. Руки педиатра были сжаты в кулаки. Он тоже трясся, стоя по колено в воде, но только не от болевого шока.

Дисанка натянуто стояла в дальнем углу, подняв своего сына к груди. Хотя Шарлотта понимала – юной матери хотелось не столько покормить малыша, сколько заставить его молчать.

По ее представлениям, они по-прежнему находились слишком уж близко от берега. Джеймсон завел их в первое же строение с дощатыми стенами и дверью, обитой жестью. Она бросила взгляд на соломенную крышу, понимая, что при способности бабуинов рвать в клочки даже человеческую плоть защиты от нее мало.

И все же Шарлотта не могла винить Джеймсона за его панический выбор укрытия. Она все не убирала руки с плеча Бирна, которое дрожало у нее под ладонью. Шарлотта сомневалась, что раненый санитар сумел бы продвинуться дальше от берега.

Оставалось лишь надеяться, что сюда бабуины не сунутся.

Со стороны суши вновь послышался громкий вой, перемежающийся резким тьявканьем. Он был немедленно подхвачен и передан дальше остальными. Этот хор звучал целую минуту – а потом внезапно наступила тишина.

Шарлотта выпрямилась.

Дисанка немигающе уставилась на нее стеклянными от ужаса глазами.

И тут Шарлотта услышала легкое постукивание и пошлепывание, сопровождающееся гуканьем и всхрапами. Шум быстро приближался. Она все поняла, представив себе силуэты, перелетающие по воздуху, перескакивающие с крыши на крышу.

– Они приближаются, – прошептал Кенди от двери.

23:32

«Нет, нет, нет...»

Пока преследователи приближались, Бенджи все стоял на пороге кишящего змеями дома – никак не мог заставить себя войти. Он просто ненавидел этих скользких тварей. В Конго от укусов змей ежегодно погибают десятки тысяч людей. В голове у него уже пробежал целый список: лесные гадюки, бумсланги, черные мамбы, африканские свиномордые гадюки, серые древесные и шпильковые змеи... Но самую дрожь в коленках вызывала мысль о *Naja christyi* – смертоносной конголезской водяной кобре, способной вырасти до семи футов в длину.

И все же не страх яда или клыков приморозил его к месту. Бенджи просто терпеть не мог ощущения скользкой чешуи на собственной коже. Университетский курс герпетологии едва не оставил его без мужского достоинства – подействовал в такой степени, что он уже подумывал бросить учебу и плюнуть на диплом. Особо муторными были лабораторные работы, где ему приходилось иметь дело с такими тварями.

Хотя его расстройство аутистического спектра было не очень сильным, определенные звуки и ощущения могли вывести Бенджи из себя. При шуршании целлофана хотелось накрепко заткнуть уши. От запаха жареного лука могло попросту вырвать. А скольжение змеи по ладони – ее чешуя казалась одновременно и совершенно сухой, и какой-то маслянистой – заставляло его содрогаться всем телом.

И вот теперь, когда он стоял и разглядывал всю эту копошащуюся мешанину, ноги словно приросли к месту.

И тут его ударили сзади.

– Быстро внутрь! – крикнул Ндай, заталкивая его в комнату.

Бенджи охнул, тихонько заскулив. С трудом заставил себя сделать шаг, высоко подняв обе руки, – переплетенные между собой змеи тут же облепили его по пояс. Поле зрения сузилось. В ушах все сильнее звенело.

Раздвигая воду с копошащимися на ее поверхности гадами, Ндай с винтовкой пробрался следом, а за ним двигался юный чернокожий мальчишка с рюкзаком – Бенджи даже не знал, как того зовут.

– Не бойтесь, – сказал ему парнишка, подхватив одну из змей, которая скрутилась кольцами у него в руке, и отбросив ее в сторону. – Это *чану*.

– Фарайи прав, – заверил его Ндай, продвигаясь сквозь возбужденно извивающуюся массу тварей. – Это *Calabaria reinhardtii*. Калабария, или земляной питон. Они не ядовиты.

Бенджи, которого это ничуть не убедило, продолжал держать руки повыше. Крепко зажмурившись, он стал бороться против своего ужаса фактами. Вытащил из головы все, что знал про змей, полагаясь на свою редкостную память. «Калабарии редко вырастают больше метра в длину. Латинское название – в честь датского биолога Йоханнеса Рейнхардта. Встречаются повсеместно в джунглях и умеют закапываться в землю, соответственно обитают в норах, обычно в перегнившей лиственной подстилке...»

Он достаточно приоткрыл веки, чтобы глянуть на извивающийся на уровне пояса живой ковер. Заметил, что большинство змей – молодые и маленькие, длиной разве что с его предплечье.

«Должно быть, их норы на берегу затоплены».

Бенджи заставил себя дышать спокойней, но опускать руки все равно не стал.

И все же змеи не были здесь истинной опасностью. Бенджи посмотрел на дверь, охраняемую Ндаем с его винтовкой. Снаружи вдруг воцарилась тишина. А потом что-то с громким звоном ударилось о проржавевшую железную крышу, отчего он даже подпрыгнул.

Еще один удар.

Потом еще один.

С крыши послышалось негромкое ворчание.

Когда все подняли взгляды к потолку, Ндай предостерегающе поднес палец к губам.

Еще больше бабуинов кучей собралось на крыше, ползая по ней. Сильные пальцы пытались поддеть проржавевшее железо. А потом одна темная фигура неожиданно возникла прямо в дверном проеме, качнувшись вперед и повиснув на одной длинной руке. Это застало Ндая врасплох. Сильные ноги метнулись вперед и выбили автомат у него из рук. Тот с плеском свалился в воду и камнем ушел на дно.

Бабуин – стофунтовый самец – опять качнулся назад. Обнажил огромные клыки и приготовился наброситься на Ндая.

И тут рядом с высоким мужчиной как по волшебству вырос тот парнишка, Фарайи. Размахнулся, и из руки у него вылетела двухфутовая змея. Извиваясь в воздухе, она ударилась бабуину в шею, полуобернувшись вокруг нее.

Бабуин взвизгнул – в тесном пространстве этот визг показался оглушительным – и тяжело рухнул в воду, а Ндай отшатнулся вбок. Самец вцепился пальцами в обвившую его змею, глаза его округлились в панике. И только тут он, похоже, заметил всех змей, окружающих его. Опять испустил вопль, высоко подпрыгнул, а потом метнулся за дверь и тяжело заплюхал прочь, выпуская крики ужаса.

Бенджи бросил взгляд на парнишку.

– *Ньяни* не любят змей, – заметил Фарайи. – Боятся, как и вы.

Бенджи едва переборол приступ нервного тика, выразившегося в быстром моргании глазами. Только теперь ему припомнилось, что бабуины врожденно боятся змей. С точки зрения выживания, при всем обилии ядовитых видов в джунглях это было вполне объяснимо. Приобретенный страх скорее всего передавался из поколения в поколение, впитавшись в модель поведения обезьян после тысячелетий печального опыта столкновений такого рода. Поведенческие исследования людей свидетельствует о таком же унаследованном страхе. Наше естественное отвращение к змеям и паукам, скорее всего, является защитным механизмом, зацементированным в нашем генетическом коде после прошлых встреч с ядовитыми тварями.

Собственная диссертация Бенджи имела косвенное отношение как раз к этой теме – наследственности физиологических и поведенческих мутаций, вызванных стрессом. Только вот стресс этой ночи еще только начинался.

Паника удирающего бабуина не напугала стаю на крыше. Они по-прежнему орал и продолжали попытки раздергать жестяные листы. Огромный кусок железа согнулся и оторвался, в воду дождем посыпались гвозди. Проем наверху наполнили темные тени.

Ндай лихорадочно пытался нащупать под водой свой автомат. Но даже если и получится найти его, будет ли толк от побывавшего в воде ствола? И успеет ли он?

Бенджи поднял взгляд к потолку.

«Нам отсюда не выбраться».

23:34

– Они почти разобрали крышу... – простонал Джеймсон.

Шарлотта невольно присела, когда Кенди несколько раз наугад выпалил в потолок. На них дождем посыпалась солома. Но не столько от выстрелов, сколько от усилившейся возни наверху. Ответом на выстрелы стали резкое гуканье и лай. Какое-то тело тяжело плюхнулось в воду – наверное, подстреленное шальной пулей. И все же эта смерть ничуть не обескуражила других охотников.

Джеймсон навалился спиной на дверь, не давая ей открыться. Бирн обмяк на своем табурете, удерживаемый только рукой Шарлотты. Дисанка по-прежнему стояла, забившись в угол и крепко прижимая к себе сына, который при грохоте выстрелов зашелся в плаче.

У Шарлотты тоже звенело в ушах.

Кенди опустил автомат – очевидно, осознав тщетность своих попыток или решив побереечь патроны. Склонил голову набок, а потом поднял взгляд к потолку.

– Слушайте! По-моему, они остановились.

Шарлотта тоже посмотрела вверх. С потолка свисали несколько пальмовых листьев, касаясь ее щеки, но Кенди был прав. Шуршание и сотрясения прекратились.

«Почему это они...»

И тут она услышала это – сначала где-то в груди, а потом и ушами. Глухое и низкое «тамп-тамп-тамп».

«Вертолет...»

Бабуины наверху завизжали, заметались и поскакали по крышам обратно на берег. Размеренное чавканье вертолетных лопастей стало громче, становясь уже просто оглушающим.

Съездившись, Джеймсон слегка приоткрыл дверь. Шарлотта присоединилась к нему, оставив Бирна балансировать на табурете.

Поток воздуха от винтов вихрем пронесся по деревне, сорвав остатки соломы с крыши, проходя над ней. Луч мощного прожектора ярко осветил воду вокруг них, а потом переместился к берегу, отгоняя бабуинов еще дальше.

Джеймсон открыл дверь пошире. Его все еще трясло, но теперь, скорее всего, от облегчения.

– Похоже, мой вызов по радио все-таки кто-то принял...

Пузатый вертолет походил на сияющего ангела – ярко освещенный, он уже переходил на висение при подлете к берегу. Его шасси опускались все ближе к земле. И прежде чем они успели коснуться ее, с обоих боков из него посыпались темные силуэты. Последним на землю прыгнул высокий мужчина в камуфляже, который встал в ярком свете прожектора и поднес к губам мегафон, чтобы быть услышанным сквозь рев турбин.

Кричал он по-французски. От одного лишь звучания родного языка на глаза у Шарлотты навернулись слезы.

– Обыскать лагерь! – ревел он. – Найти весь медицинский персонал! Нам нельзя здесь задерживаться!

В этот момент подбрюшье черных туч осветила яркая вспышка молнии, напомнив всем, что гроза совсем скоро разразится в полную силу.

Джеймсон полностью распахнул дверь.

– Быстрее! – крикнул он своей группе, после чего сам припустил во все лопатки.

Вернувшись к Бирну, Шарлотта посмотрела на Кенди.

– Мне понадобится помощь, чтобы доставить его на берег.

Кивнув, охранник подставил санитару плечо. Шарлотта стала поддерживать раненого с другой стороны. Бирн пытался помогать, но ноги его неудержимо вихлялись. Наконец он сдался и просто повис между ними.

Выбравшись из крошечной хижины, они двинулись сквозь воду. Дисанка с малышом держалась позади. Шарлотта продолжала наблюдать за крышами в поисках любой дальнейшей угрозы. Напрягала слух на предмет предостерегающего уханья или громкого лая, но вертолет заглушал практически все остальные звуки.

И все же она услышала, как Джеймсон впереди кричит, уже с твердой земли:

– Давайте сюда! Мы здесь! У нас есть больные и раненые!

Шарлотта лишь покачала головой при этих словах.

«Скорее, они есть у меня».

Она побрела дальше на свет и шум. Но перед тем, как успела оказаться на берегу, впереди появились люди, быстро шлепавшие к ней по воде. Вскоре они подхватили Бирна, освободив ее от ноши, и поспешили обратно. Шарлотта в сопровождении солдат, поднявших автоматы, последовала за ними.

Наконец она оказалась на берегу. И хоть и промокшая до нитки, показалась себе на сотню кило легче. Быстро двинулась дальше вместе с Кенди и Дисанкой. Миновав край деревни, они поспешили к ожидающему вертолету. На вид это была боевая машина, с объемистым задним отсеком и маленькими крылышками, удерживающими шесть ракет, по три с каждой стороны.

Джеймсон уже общался с высоким военным с мегафоном. Тот был белый, загорелый и седоватый, со стриженными ежиком волосами – может, француз или бельгиец. На нем была та же камуфляжная форма, что и на остальных, но он явно пользовался здесь авторитетом. И практически не обращал внимания на возбужденно жестикулировавшего Джеймсона.

Когда Шарлотта и остальные присоединились к ним, темно-зеленые глаза мужчины осмотрели ее с ног до головы, после чего он кивнул. Еще один военный поднырнул под брюхо камуфлированного вертолета и подошел к ним. Похоже, это был конголезец, одетый как и все остальные. Он встал плечом к плечу с мужчиной с мегафоном. Оба могли показаться братьями – такой же седой «ежик» на головах, одинаково жесткие лица... Те же самые зеленые глаза. Единственной разницей был цвет кожи.

Оба стали переговариваться, склонив друг к другу головы и время от времени поглядывая на темное небо, моргая при вспышках молний. Ни один не выказывал почтительного отношения к другому.

Наконец тот, что с мегафоном, повернулся к их группе, а другой ушел.

– Мы больше не можем ждать. Есть еще кто-то из ваших?

– Н-навверное, – запинаясь, ответил Джеймсон, поглядывая на открытую дверь вертолета. – Я не знаю, не остался ли кто-нибудь в...

Шарлотта отпихнула его в сторону. Она не собиралась бросать остальных. Указала в ту сторону, в которой видела группу Ндая.

– Еще *трое*. Они наверняка спрятались вон в той части деревни.

Командир скривился, но кивнул. Подозвал группу своих людей и приказал им осмотреть указанный участок.

– И поживей, – добавил он.

Громыхнул гром, придав приказу дополнительную весомость.

23:45

– Чего мы ждем? – спросил Бенджи, поеживаясь посреди шевелящегося змеиного гнезда.

Потом включил вытащенный из кармана фонарик-карандаш, прикрыв его ладонью. Посветил на путаницу змей. Ему хотелось поскорей выбраться отсюда.

Своевременное появление вертолета прогнало бабуинов шумом, потоками воздуха и светом. Вскоре он видел, как его коллеги выходят из затопленной деревни на берег. Теперь они стояли, подсвеченные яркими огнями летательного аппарата.

Ндай наконец выудил свой автомат и настороженно держал его в руках. И, хотя тот был до сих пор полон воды, заглядывал в оптический прицел, как в подзорную трубу.

Фарайи держался у него за плечом.

– Это не конголезские военные, – тревожно произнес Ндай, всматриваясь в окуляр. – На вертолете нет эмблемы наших военно-воздушных сил – желтой звезды в синем круге.

– Тогда они из какой-то другой спасательной команды, – сказал Бенджи. – Кого волнует, кто именно вытащит нас отсюда?

Покачав головой, Ндай опустил автомат.

– Что-то тут не так.

Над рекой Чопо загромыхал гром, но не стих, а словно упорствовал и становился все громче. Наконец он выделился в отчетливое чавканье вертолетного винта.

«Еще один вертолет...»

Их взгляды отвернулись от берега, нацелившись ниже по течению. Над затопленной деревней скользнул большой вертолет. Он был весь усыпан огнями, часть из которых горела постоянно, а другие размеренно мигали.

Ндай опять вскинул автомат, заглядывая в оптический прицел, поводил им туда-сюда, замер.

– А вот это вертушка ВСДРК. Наших военно-воздушных сил.

Вслед за первым над джунглями у реки летел второй вертолет конголезских военных, поменьше.

«Похоже, кто-то прислал подкрепление».

Бенджи с облегчением повернулся к берегу, когда первый вертолет ВСДРК подлетел к деревне. Показал на дверь.

– Ну теперь-то можно выходить?

Ндай оттащил его назад.

– Пригнись!

Когда Бенджи, спотыкаясь, отшатнулся от двери, то заметил возле стоящего на земле вертолета яркую вспышку, из которой выстрелил дымный белый след, завиваясь в ночи. И через пару секунд только что прибывший вертолет взорвался, превратившись в огненный шар. Грохот потряс проржавевшую крышу хибары. Завихлявшись в воздухе, винтокрылая машина ВСДРК плюхнулась в темную воду.

Ндай ухватил Бенджи за рубашку, намотав ее на кулак, и поволок к двери.

– Нам нельзя здесь оставаться!

Экогвардеец показал на темную деревню. Между затопленных домов плясала горстка огоньков, направляющихся в их сторону.

23:47

Поваленная на колени оглушительным пуском ракеты, Шарлотта потрясенно смотрела на горящие обломки на реке. Она никак не могла ничего понять. Болела грудь, принявшая на себя удар взрывной волны. В ушах слышалось лишь какое-то приглушенное зудение.

Остальные вокруг нее тоже повалились на землю.

Она повернулась к военному с мегафоном. Тот поднял пистолет к затылку Кенди, когда экогвардеец попытался встать на ноги. Сквозь ее заложенные уши прорвался приглушенный хлопок. Голова Кенди дернулась вперед, увлекая за собой тело. Он рухнул в ярко освещенную грязь.

Стрелявший заорал своим солдатам:

– Все на борт!

Лишь шок удержал Шарлотту от какой-либо реакции.

Откуда-то от реки послышалась стрельба. Второй вертолет взмыл повыше. Это, судя по всему, была боевая версия первого. Очередь из крупнокалиберной пушки взрыла берег, вреза-ясь в деревню. В вертолет опять выстрелили из ручного ПЗРК с земли, но проворная машина в последний момент ловко уклонилась. И все же этот внезапный маневр сбил ей прицел. Выле-тевшая из-под ее брюха ракета наобум вцепилась в затопленную деревню, подняв в воздух огром-ный фонтан озаренной пламенем воды.

К вертолету устремились еще несколько зенитных ракет. Он плясал и крутился над рекой. А потом одна из них ударила ему в хвостовую балку. Взрыв отправил вертолет в дикую нисхо-дящую спираль. Пилот боролся до последнего, но попытки были тщетны. Машина вращалась вокруг своей оси, оставляя за собой дымный хвост. А потом врезалась в берег на краю деревни, подняв столб пламени и черного дыма.

Когда Шарлотта подняла руку к лицу, кто-то схватил ее и пихнул к открытой двери стоя-щего на берегу вертолета. Джеймсону дополнительные понукания не требовались. Едва услы-шав взрыв, он разинул рот и быстро метнулся внутрь.

Высокий командир размашисто подошел к Дисанке, которая застыла на четвереньках над своим сыном, прикрывая его собой. Поднял пистолет и махнул стволом, подзывая одного из солдат.

– Бери мальчика. Мать нам не нужна.

«Нет...»

Шарлотта вырвалась из рук своего захватчика и подбежала к Дисанке, заступив дорогу солдату. Она отчаянно пыталась понять, как спасти мать, при этом озадаченная тем, зачем им понадобился ребенок. Выставила перед собой ладони, наконец найдя весомый аргумент.

– Он... его еще кормят грудью. Если вам нужен мальчик, то берите и мать вместе с ним. Мужчина с мегафоном остановил на ней жесткий взгляд, а потом кивнул.

– Ладно, бери на борт обоих. – Он повернулся к солдату. – Но в остальном лишний груз нам ни к чему.

Обладатель мегафона быстро подошел к Бирну. Санитар обмяк на коленях, прижимая к себе перетянутую ремнем руку. Он поднял взгляд как раз в тот момент, когда ко лбу ему приставили пистолет. Бирн уже мало что соображал, поэтому даже не выказал никакого страха.

Выстрел повалил его назад.

Шарлотта отшатнулась вбок, ахнув; мир закружился вокруг нее. Она уцепилась за Дисанку, и женщина помогла ей удержаться на ногах. Прикрывая собой мать с младенцем, она позволила силой затащить себя в заднюю кабину вертолета.

Внутри перед Шарлоттой открылось странное зрелище.

На другой стороне вертолетного отсека были горой свалены трупы. Всем тут распоряжался «близнец» военного с мегафоном, высокий конголезец. Он приказал вытащить тела и разбросать их в разных местах. Старые автоматы и винтовки, некоторые замотанные изолентой, волоклись за мертвыми плечами, когда трупы растаскивали по лагерю. На мертвецах была смесь различных военных униформ – грязных, поношенных и обтрепанных.

Шарлотта начала все понимать.

«Они хотят подать все так, будто на лагерь напал всякий сброд из разных военизированных группировок».

Ее пихнули на сиденье и приказали пристегнуться. Сначала она помогла Дисанке, и лишь потом накинула ремень сама. Джеймсон уже натянуто выпрямился на сиденье напротив нее. Его лицо сверкало от пота. Глаза неподвижно и неморгающе уставились куда-то в пространство.

Высокий европеец снаружи поднес к губам рацию.

– Не видать еще кого-нибудь?

Неспособная услышать ответ, она посмотрела на дымящиеся обломки на берегу. Вокруг них пылал нефтяной огонь. Пламя быстро распространялось по деревянным строениям. Соломенные крыши дымились и одна за другой вспыхивали.

Ей очень хотелось, чтобы все остальные остались незамеченными.

Мегафон вновь взлетел к губам.

– Все на борт! Через пять минут взлетаем!

Через несколько секунд дождь полил еще сильнее, долбя по обшивке вертолета и баламутя темные лужи. Налетел порыв ветра. Под брюхом у туч замечались молнии. Одна зигзагом расчеркнула воздух и ударила в реку. Вертолет сотрясся от грома.

– Быстро! – заорал высокий военный. – Вылетаем прямо сейчас!

23:52

Бенджи поплыл к соседней хижине. Ее крыша и верхняя четверть все еще оставались над водой. Течение стремилось разорвать крошечное строение на куски. Когда он оказался рядом, от дома оторвалась фанерная панель и уплыла по черной воде, быстро исчезнув в затянутой дымом ночи.

Дождь тяжело молотил со всех сторон, ероша поверхность воды.

Пожар, охвативший затопленную деревню у самого берега, продолжал распространяться – слишком сильный, чтобы гроза могла успокоить его. Языки пламени подбирались все ближе.

А потом за ними послышался нарастающий низкий рев.

Бенджи крутнулся на месте, борясь с течением. Из облаков дыма поднимался вертолет, подгоняя к ним сноп светящихся головешек.

«Они улетают...»

Ндай подгрёб к нему, протянул вперед промокшую руку.

– Двигаем дальше. Надо скрыться из виду.

Прямо за ним следовал Фарайи.

Раз уж все остальные улетали, Бенджи не понимал, зачем такая срочность, но разумно предпочел не задавать Ндаю лишних вопросов. Нынешней ночью этот человек много раз оказывался прав. Бенджи энергичней заработал ногами и руками, борясь с течением и напрягая все силы, чтобы достичь следующего укрытия.

Наконец подобравшись к очередному хлипкому строению и ухватившись за занозистые доски, он затащил себя в дверной проем. Через пару секунд к нему присоединились Ндай и Фарайи.

– Что теперь? – выдохнул Бенджи.

Ндай держался поближе к двери.

– Зависит от них.

Бенджи выглянул наружу. Вертолет уже поднялся и летел над огнем. Ему хотелось, чтобы он поскорей скрылся из виду. Но вместо этого машина заложила медленный разворот над темной половиной деревни. Одно из ее коротких крылышек плюнуло огнем, и что-то с грохотом вонзилось в ряд хижин у берега. Огненный шар проскользил сразу через несколько строений, превращая их в пар.

– Ракета «Хеллфайр»!³⁸ – простонал Ндай, поворачиваясь к ним. – Они собрались все тут уничтожить!

Бенджи поперхнулся, подняв взгляд на деревянные балки – простые шесты, – протянувшиеся под крышей.

– Может, они пропустят это место...

Ндай помотал головой.

– Я заметил, что у них шесть ракет.

«Выходит, осталось еще пять...»

Бенджи подобный расклад очень не нравился – только не с такой огневой мощностью, нацеленной на крошечную деревушку.

Ндаю тоже. Высоко подпрыгнув, он ухватился за один из шестов над головой и повис на нем на руках.

– Что вы делаете? – удивился Бенджи.

– Мы уходим.

– Как?

Ндай мотнул им с Фарайи головой, предлагая последовать своему примеру. Потом принялся раскачиваться, с каждым взмахом ударяя ногами в дальнюю стену. Бенджи все понял, представив себе фанерную панель, недавно оторвавшуюся и унесенную течением. Если им удастся выбить кусок стены и использовать его как плот, можно попробовать ускользнуть вниз по реке.

Подпрыгнув, они с Фарайи повисли по бокам от Ндая и тоже принялись раскачиваться и бить ногами в стену. Еще один сильный взрыв сотряс хижину и окружающие воды. Еще больше дыма покатилося по вспухшей реке.

Они стали раскачиваться и бить еще сильнее, но стена отказывалась прогибаться наружу. Рев вертолета становился все ближе.

– Нужно бить вместе, – задыхаясь, пропыхтел Бенджи. – Одновременно.

³⁸ «Хеллфайр AGM-114» – американская ракета класса «возду – поверхность» с полуактивным лазерным или активным радиолокационным наведением.

Ндай замедлил свою раскачку и начал обратный отсчет. На счете «три» они дружно ударили пятками в деревянную стену. Та слегка подалась, почти выдернув гвозди, удерживающие ее. Теперь стену стало понемногу отрывать и течением.

– Еще разок – и готово, – пропыхтел Бенджи.

Они синхронно качнулись – только для того, чтобы шест наверху треснул и переломился. Все плюхнулись обратно в воду. Бенджи плескался и отплевывался, но все-таки сумел ухватить обломок шеста. Пробрался сквозь воду к уже выгнувшейся стене, засунул его в узкую щель и попытался расширить ее, упершись ногами в соседнюю стену.

Фарайи подплыл ему на помощь.

Подхватив второй обломок шеста, Ндай навалился на противоположную сторону стены. Дерево застонало, но упрямые гвозди отказывались поддаваться.

И тут мир взорвался прямо позади них. За дверью пронесли языки пламени. Помещение затопил удушливый дым. Взрывная волна ударила в крошечную хижину, принесла за собой огромный вал воды, поднявшийся чуть ли не до потолка.

Когда вал ударил в стену, Бенджи посильней навалился на свой обломок, и весь бок хижины выпал наружу вместе с ним.

– Залезай на него! – заорал Ндай.

Когда секция стены плюхнулась в воду, Бенджи тут же вскарабкался на нее вместе с Фарайи. Течение немедленно подхватило их самодельный плот.

Ндай изо всех сил старался добраться до них. Распластавшись на животе, Бенджи протянул ему свой обломок шеста. Ндай выбросил вперед руку, промахнулся, попробовал еще раз и наконец крепко ухватился за него. Экогвардеец лез по шесту, а река цеплялась за него и крутила плот во все стороны.

Последним рывком он влез на выломанную секцию стены. Все улеглись на нее ничком, раскинув руки и ноги, чтобы не перевернуться. Скоро они оказались на самой стремнине. Поверхность воды покрывал дым, слишком густой, чтобы его могли рассеять дождь или ветер.

Бросив взгляд назад, Бенджи заметил сквозь дым тусклые огоньки вертолета. Наконец течение вынесло их за поворот реки, и огоньки пропали.

«Слава богу...»

– Нам нужно выбраться на берег! – крикнул Ндай, перекрывая журчание реки.

– Зачем? Как? – спросил Бенджи. – У нас же нет весел.

– Надо попытаться.

Фарайи посмотрел вперед, и глаза его округлились.

И тут Бенджи и сам услышал это. Рев реки становился все громче, как рычание огромного разъяренного зверя.

«О нет...»

Он припомнил, что добраться до этой деревни можно было только по воздуху или по разбитой колее через джунгли. Река полностью исключалась. В полумиле ниже по течению от лагеря начинались водопады и пороги, представляющие собой натуральную мясорубку. И паводок лишь сделал это чудовище еще яростней.

Бенджи смотрел на края джунглей, все быстрее и быстрее пролетающие мимо них. Импровизированный плот яростно взбрыкивал под ними, норовя встать на дыбы.

Небо распорол молния.

А совсем неподалеку впереди злобно ревело ошестинившееся каменными зубами чудовище, поджидая их.

7

*23 апреля 23:48 по центральноафриканскому времени
Провинция Чопо, Демократическая Республика Конго*

– Гроза усиливается! – крикнул Фрэнк, прислонившись к боковому окну вертолета.

Акриловое стекло кабины вибрировало от глухих ударов грома. Далеко впереди темноту разрывали яркие вспышки. Он присмотрелся к красноватому свечению выше по реке.

«Что там происходит? Неужели молния вызвала лесной пожар?»

С усилением ветра маленькую «Газель Аэроспасьяль» стало нещадно болтать. «Вертушка» пробиралась вдоль темной ленты реки, смутно вырисовывающейся внизу. Они только что пролетели над мешаниной белой пены, омывающей черные камни и валящейся вниз с крутых утесов. Огни вертолета осветили густые облака водной пыли, поднятой ярящимися порогами.

– Да, определенно усиливается, – согласился Такер с другого борта машины, присматриваясь к круговерти снаружи.

Устроившийся между ними Кейн свернулся калачиком на сиденье, вроде как совершенно не обеспокоенный болтанкой и внезапными падениями вертолета в воздушные ямы. Впрочем, пес был закаленным ветераном, давно привыкшим к перелетам в неблагоприятных условиях, перестрелкам и взрывам растяжек. И все же Фрэнк смотрел на Кейна глазами медика, глазами ветеринара, которому сотни раз приходилось лечить служебных военных собак – зашивать рваные раны, пересаживать ткань на ожоги, ампутировать покалеченные конечности – и, слишком уж часто, укрывать маленькие тела траурным флагом. Лишь немногие по-настоящему ценили верность таких четвероногих солдат, которые были готовы терпеть любые жертвы и лишения не ради таких вещей, как чьи-то политические воззрения или национальная гордость, а по гораздо более простой причине – из-за той связи, что таится где-то глубоко в сердце и разорвать которую никому не под силу.

Фрэнк покосился на Такера. Даже сейчас тот не убирал ладони с мохнатой спины своего напарника.

Эта связь была двухсторонней.

Фрэнк потянулся к Кейну и взъерошил ему загривок, ощутив под пальцами валики старых шрамов под мехом – послужной список воина, побывавшего во множестве опасных переделок. Следы таких же шрамов проглядывали и на щеке прижавшегося к стеклу Такера. Оба были испытанными бойцами, соединенными ранами и шрамами в одно целое, привязанными друг к другу сердцами – в радости и в горе, в успехе и неудаче.

Фрэнк был рад, что его тоже считают частью этой семьи, пусть даже и косвенно. В Ираке Такер с готовностью принял его в их с Кейном компанию – что Фрэнк особенно ценил, будучи одним из немногих чернокожих офицеров. Предрассудки и предубеждения у военных по-прежнему сильны. Во времена Первой мировой войны в американских вооруженных силах было всего лишь *пять* военных ветеринаров с его цветом кожи. Сегодня их количество заметно возросло, но ситуация по-прежнему далека от идеала. Хотя это справедливо и для профессии ветеринара в общем и целом. Даже сейчас лишь чуть более двух процентов от всех ветеринаров в Штатах – чернокожие. Может, как раз это и стало одной из главных причин столь близких отношений Фрэнка с Такером: оба держались чуть особняком от остальных военных.

«Газель» опять сильно тряхнуло в воздухе, возвращая Фрэнка к настоящему. Он ухватился за свой привязной ремень – только тот и удерживал его на сиденье. Опять посмотрел в окошко. Они уже миновали последние пороги и теперь неслись над гладкой водой реки Чопо, разлившейся как минимум на четверть мили между черными джунглями по сторонам.

Впереди сверкнула молния, на миг осветив реку во всю длину. За вспышкой последовал гром, громыхнувший так сильно, что сотрясся весь вертолет.

Такер наклонился к сидящему впереди пилоту, который сторбился над ручкой управления, чуть не упираясь носом в омываемое дождем лобовое стекло. Маленькие «дворники» мотались туда-сюда по остеклению, едва справляясь с ползущими по нему струйками воды.

– От тех, кто вылетел раньше, ничего не слышно? – крикнул Такер замороченному парню.

Пилот лишь помотал головой.

Их «Газель» вылетела через двадцать минут после двух машин ВСДРК. И до сих пор от конголезских военных не поступало никаких известий – ни хороших, ни плохих – о ситуации в лагере беженцев.

Напряженно сдвинув брови, Такер повернулся к Фрэнку. Вопрос у него на лице читался без всяких слов.

«Летим дальше или повернем назад?»

Ответ поступил снаружи.

Ослепительная вспышка молнии сверкнула сверху и одновременно вокруг них. Цепи ослепительного огня с треском разорвали небо, пробежав по подбрюшью облаков. Молния метнулась вниз и ударила в реку прямо перед ними, оставив свой выжженный образ на сетчатке у Фрэнка.

Почти сразу же последовал гром, который сотряс все вокруг и врезал по вертолету, словно пытаясь смахнуть его с неба. Пилот отчаянно орудовал ручкой управления, пока «Газель» проваливалась и моталась во все стороны. Наконец он громко выругался и резко отвернул от черной грозовой тучи, стеной вырастающей перед ними.

Фрэнк вцепился в сиденье и в привязной ремень на плече.

Он не стал осуждать решение пилота. Лететь дальше было бы самоубийством. Теперь это дело экипажей двух вертолетов ВСДРК – оценить ситуацию в лагере. Проскочив до усиления непогоды, местные вояки, судя по всему, приземлились там на ночь. Ну а они с Такером присоединятся к ним утром.

Фрэнк мысленно внес коррективы в свои планы. Вместо сбора образцов можно было использовать остаток ночи, чтобы собрать и откалибровать мобильную лабораторию в университете Кисангани. Таким образом, когда он утром возьмет образцы в лагере, то будет готов сразу же их проанализировать.

«Пожалуй, по времени то на то и выйдет...»

Он откинулся на сиденье, когда «Газель» заложила крутой разворот над краем джунглей, готовясь возвращаться на аэродром.

И тут Такер резко подался вперед, ухватив пилота за плечо.

– погоди!

Тот обернулся, недовольно оскалившись.

Такер ткнул рукой на реку.

– Смотри! Там свет! На воде!

То ли решив пойти ему навстречу, то ли возвращаясь к первоначальному плану, пилот опять развернул вертолет в сторону темной реки. Фрэнк прижался щекой к стеклу, пытаясь заглянуть вперед – туда, куда указывал Такер. Не подсвеченная прожектором вертолета вода угольно-черной полосой пролегла поперек их пути.

Фрэнк пригляделся.

«Да вроде не видать никакого...»

И тут наконец заметил подрагивающий, словно мечущийся из стороны в сторону крошечный огонек на самой поверхности реки, отражающийся во взъерошенной грозой воде.

– Вижу! – выпалил Фрэнк.

Такер, который по-прежнему крепко держал пилота за плечо, всмотрелся вдаль.

– Там кто-то есть.

23:52

Бенджи, в пальцах которого светился крошечный фонарик-карандаш, наконец облегченно обмяк, бессильно уронив руку на плот рядом с собой. Содрогнулся всем телом, позволив себе единственный всхлип.

Ндай рискнул отпустить край выломанной секции стены, чтобы одобрительно похлопать Бенджи по ноге. Фарайи распластался в передней части импровизированного плота, шевеля губами в беззвучной молитве, – парнишка либо благодарил своих богов за своевременное вмешательство, либо просил их не оставлять терпящих бедствие и дальше.

Минуту назад они заметили летящий против течения реки вертолет, огни которого ярко сияли в грозовой мгле. Бенджи сразу же выхватил из кармана свой крошечный фонарик и принялся неистово им размахивать, пытаясь дать сигнал машине. Он не знал, кто там на борту – друг или враг, – но ему было уже все равно. Этот вертолет – их единственная надежда убраться с реки, прежде чем плот окажется на смертоносных порогах.

И все же вроде как усилия Бенджи пропали втуне. Винтокрылая машина непоколебимо неслась над рекой, не меняя ни курс, ни высоту и не обращая никакого внимания на сигналы. Он боялся, что огни самого вертолета слепят сидящих в нем, не позволяя им углядеть крошечный проблеск на реке.

И тут мир вдруг взорвался ослепительным каскадом молний, сопровождаемых сияющей стрелой, с грохотом воткнувшейся в реку позади них. Когда громыхнул гром, Бенджи в отчаянии смотрел, как вертолет разворачивается, закладывая широкий вираж над джунглями, и направляется обратно.

Только вот теперь он возвращался, летя прямо к ним и быстро снижаясь.

Когда вертолет оказался над рекой, сбоку у него открылась дверца, откуда, разворачиваясь в воздухе, вылетела веревочная лестница, конец которой плюхнулся в воду. Грозовой ветер тут же вцепился в нее. Она плясала и щелкала, как оборванный электропровод.

«Да как же мы ее поймаем?»

В поисках ответа Бенджи бросил взгляд на Ндая. Тот лишь поморщился. Плот взбрыкивал, переваливался с боку на бок и кружился на течении, грозя в любой момент перевернуться. И, что хуже всего, их импровизированное плавсредство несло по ускоряющемуся течению все быстрее и быстрее.

Не обращая внимания на мотающуюся лестницу, Фарайи неуклонно смотрел вперед.

Рев порогов впереди уже заглушал даже шум вертолета.

«У нас кончается время – и река».

23:53

Такер вцепился в поручень возле открытой дверцы, не сводя взгляда с тех, кто оказался в ловушке внизу, пока вертолет приближался к ним. Пилот включил прожектор, нацелив его на переваливающийся в воде плот. В это утлое плавсредство вцепились трое. Лестница дико раскачивалась над ними. Ее конец был утяжелен, но все же веса балласта оказалось недостаточно, чтобы противостоять силе ветра.

Троих внизу ждала трудная, а то и вовсе невыполнимая задача – как-то ухватиться за нее.

«И это далеко не единственная проблема».

Такер бросил взгляд к югу. Облака водяной пыли отмечали пороги, расположенные ниже по течению.

Он помотал головой.

«Да пошло оно все к черту...»

И, развернувшись, поставил ногу на верхнюю перекладину лестницы.

– Да ты что? – заорал на него Фрэнк.

– Тут нужен дополнительный груз!

«И этим грузом буду я».

Когда он полез вниз, Кейн метнулся через сиденье к открытому проему. Такер встретился взглядом со своим напарником. «СИДЕТЬ!» – твердо приказал он, зная, что пес последует за ним куда угодно, если потребуется.

«Но только не на сей раз».

Кейн сел возле края проема, явно этим не обрадованный.

– Прости, дружок, – пробормотал Такер, продолжая спуск.

Как только он опустился ниже фюзеляжа с подветренной стороны, в дополнение к потоку от винта на него навалился еще и ветер. Лестница загнулась вбок. Такер покрепче ухватился за шершавые пластиковые перекладки, пережидая и привыкая к ритму движений мотающейся лестницы, а потом двинулся дальше.

Фрэнк наверху вопил, но обращаясь не к нему.

– Не дергай эту чертову птичку!

Такер знал, что пилот и так делает все возможное, хотя лестницу все равно немилосердно крутило и раскачивало. Впрочем, для Уэйна это было уже далеко не первое подобное родео. Хотя во время войны им с Кейном доводилось выполнять самые разнообразные задачи – поиск и спасение, тайное проникновение на объекты, – чаще всего им приходилось заниматься экс-фильтрацией, с хирургической точностью эвакуируя особо ценных персон с территории, занятой противником, в ходе чего акробатические трюки на вертолетах были в порядке вещей.

Он опустил взгляд между носками своих тяжелых ботинок, увидев поднятые к нему лица, полные ужаса. Такер не знал, кто это такие, но он был их единственной надеждой, что делало их для него достаточно ценными персонами.

Когда Уэйн спустился пониже, его вес немного помог стабилизировать болтающуюся лестницу, но этого все равно оказалось недостаточно. Худощавое телосложение Такера больше подошло бы квотербеку, чем лайнбекеру³⁹, и в этот момент он не отказался бы от полной линии защиты, чтобы наконец заякорить эту чертову лестницу.

И все-таки добрался до ее нижнего конца.

Продолжая держаться за перекладину обеими руками, Такер нацелился ногами на плот. Поток воздуха от винта сдувал большинство дождевых капель по сторонам, разглаживая воду вокруг него. Его ступни кружили, иногда задевая за плот, который оказался просто набором толстых досок, скрепленных парой деревянных поперечин. Ноги Такера плясали по спинам трех распластанных на досках фигур. Он едва не пнул какого-то юного чернокожего парнишку прямо в физиономию.

Уэйн слышал, как Фрэнк наверху что-то истошно кричит, но грохот вертолета не позволял разобрать слова.

И все же лестница опустилась достаточно низко, чтобы его ботинки наконец коснулись плота и более-менее зацепились за него. Конголезский военный в зеленом камуфляже одной рукой ухватил Такера за лодыжку, а потом повернулся к своему соседу.

– Полезай! – выкрикнул он.

Ближайшая к нему фигура – молодой человек в промокшем белом комбинезоне – кое-как поднялась на четвереньки. Даже этот маневр казался рискованным на переваливающемся во все стороны плоту. И все же парень потянулся дрожащей рукой к нижней перекладке лестницы. Со второй попытки поймал ее и на миг повис на ней.

³⁹ Квотербек и лайнбекер в американском футболе – грубо говоря, нападающий и защитник. Одним из главных требований к игрокам защиты, помимо всего прочего, являются внушительные габариты и вес.

– Лезь, не останавливайся! – жестко крикнул ему Такер. Он понимал, что молодой человек измотан и испуган, но сейчас было не время тянуть резину.

Тот, видно, понял его и подтянулся повыше, едва не перевернув плот. Потом пробрался по противоположной от Такера стороне лестницы, наступив тому на пальцы.

Чернокожий военный, который все еще держал Уэйна за ногу, повернул голову к мальчишке лет двенадцати или тринадцати.

– Фарайи! Давай!

Тот перелез через военного, чтобы добраться до лестницы. Встал на ноги – только для того, чтобы плот опасно перекосялся под ним. Дико взмахнул тонкими руками, чтобы удержать равновесие. Отпустив одну руку, Такер успел перехватить запястье мальчишки, прежде чем тот успел рухнуть спиной вперед с плота.

Когда Такер рывком удержал его, с другого плеча Фарайи слетел небольшой рюкзачок, ударился о доски и плюхнулся в воду.

Мучительно вскрикнув, мальчишка выдернул руку из захвата Такера и бросился в воду за уплывающим рюкзаком, борясь с быстрым течением и водоворотами.

«Господи-боже-ты-мой...»

Чернокожий военный встал на четвереньки, явно готовый броситься за мальчиком, но было видно, что силы у него на исходе. Такер ухватил его за воротник и вздернул на лестницу.

– Наверх! Быстро!

Руки военного потянулись к перекладине, больше подчиняясь инстинкту выживания, чем приказу. Как только он как следует ухватился, Такер отпустил его.

– Лезь! – рявкнул он, оказавшись с ним нос к носу.

Отдав этот последний приказ, повернулся и головой вперед бросился в воду с плота, целясь на подскакивающую на волнах голову мальчишки, который успел поймать свой рюкзак и теперь пытался плыть против течения, несущего его к порогам, – практически без толку.

Вынырнув, Такер немедленно поднял голову над водой и сосредоточился на маленькой фигурке, взбивающей воду руками и ногами. Прямо за ней прожектор вертолета уже высвечивал белую пену и стену водяной пыли. Несмотря на все усилия мальчишки, его быстро тянуло к порогам.

Такер погреб за ним и добрался до него по течению всего за пару гребков. Едва не проскочил мимо – таким сильным оно оказалось. Схватил мальчишку за рубашку, намотал ее на кулак и подтащил жилистое тельце себе к боку.

– Держись крепче!

Такер не знал, понимает ли мальчишка по-английски, но маленькие руки обхватили его за шею, едва не придушив.

Развернувшись в воде, Уэйн стал бороться с течением, но оно оказалось гораздо сильнее, чем он предполагал. Брошенный плот быстро промчался справа от них, исчезнув в ревущей водяной пыли.

Вертолет метнулся к ним, волоча за собой лестницу. Одна фигура уже почти добралась до верха. Другая оставалась внизу – только вот теперь висела она вверх ногами, зацепившись ими за перекладину, вытянув руки к воде и явно намереваясь попытаться ухватить их.

«И почему я сам про это не подумал?»

Такер изо всех сил работал руками и ногами, но не удавалось даже просто держаться на месте. Вертолет гнался за ними, раскачиваясь на ветру. Небо над головой распарывали молнии. Если и был гром, то Такер его не слышал – рев за спиной полностью заглушал все прочие звуки.

А потом течение затянуло его в водяную пыль. Он потерял из виду вертолет и лестницу. Стал бороться еще сильнее, но без толку. И тут брызги на секунду рассеялись. К нему метнулась какая-то темная тень.

Такер потянулся к ней.

Появилась лестница. И висящий на ней конголезский военный. Его вытянутые вниз руки волоклись по воде. Прекратив бороться с течением, Такер подгреб в сторону, чтобы оказаться на пути мужчины. Они на миг сцепились взглядами – и тут же врезались друг в друга.

По-лягушачьи дрыгнув ногами, Такер ухитрился достаточно высунуться из воды, чтобы ухватиться обеими руками за бока военного. Тот, в свою очередь, ухватил Такера за пояс.

И в этот момент река под ними провалилась вниз – и по той причине, что вертолет набрал высоту, и из-за того, что поток воды отвесно обрушился со скального уступа.

Такер держался изо всех сил, намертво сцепившись с военным, который дрожал от напряжения. Крикнул мальчишке, который все еще висел у него на шее:

– Лезь, малыш! Прямо через меня!

Перекладина оказалась прямо у Такера над головой.

Носки кроссовок заелолили ему по спине, уцепились за ремень. Одна рука отпустила шею – и тут мальчишка проворно полез наверх. Едва освободившись от ноши, Уэйн освободил одну руку и быстро ухватился за ту же перекладину.

Вскоре он уже лез за мальчишкой. Военный согнулся в поясе и, несмотря на усталость, ухватился за перекладину, перебросил через нее ноги и стал карабкаться вслед за Такером.

К тому моменту они уже поднялись выше облака водяной пыли. Лестница по-прежнему раскачивалась под порывами ветра, но все они успешно добрались до самого верха.

Подтянувшись, Такер ввалился в кабину, а потом помог военному. Все набились внутрь, кучей повалившись на сиденье. Стало тесно. «Газель» рассчитана на пятерых. С шестью седоками на борту – да еще и с собакой – они явно превышали лимит пассажироместимости «вертушки», но это было нарушение, которое вполне можно было пережить.

Как и все прочие.

Такер посмотрел на мальчишку, который прижимал к груди рюкзак.

– Наверное, он тебе реально дорог, – выдохнул он, отбрасывая мокрые волосы с глаз. – Что там? Домашнее задание?

Мальчишка не обратил на его слова внимания – или, может, просто не услышал их из-за рева мотора. Лишь опасливо глянул на Кейна.

– Он не кусается?

Такер вздохнул.

– Только если я ему прикажу.

Этот ответ не приглушил страха в глазах мальчика.

– Не волнуйся. – Такер похлопал его по коленке. – Он не злой. – И добавил про себя: «До поры до времени».

Тут Фрэнк наклонился к Такеру и заорал ему в ухо, показывая на молодого человека, который поднялся по лестнице раньше всех:

– Ты должен услышать то, что он мне рассказал! Про то, что случилось в лагере!

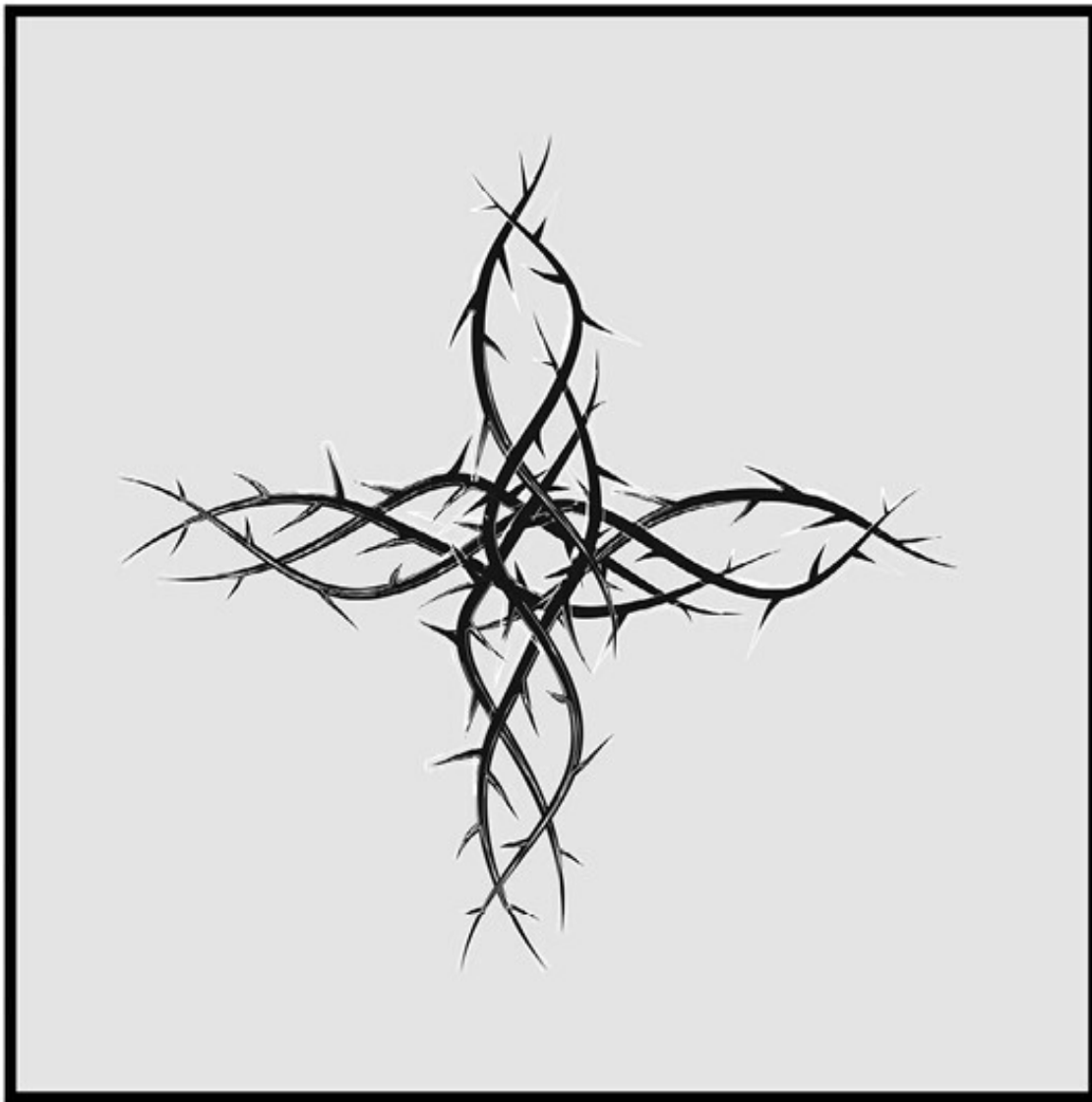
– А это не подождет до прилета в Кисангани?

Шум вертолетного мотора значительно затрудняет общение, особенно когда уши полны речной воды. А потом, они должны были оказаться на аэродроме уже минут через двадцать. И если и вправду имелась какая-то важная информация, которой срочно требовалось поделиться, то там были другие люди, способные распорядиться ею куда более грамотно.

Фрэнк хмуро посмотрел на него.

– Нет. Тебе нужно выслушать это прямо сейчас.

Часть вторая Впутались

8

24 апреля, 06:05 по центральноафриканскому времени

Кисангани, Демократическая Республика Конго

«Мы все-таки опоздали...»

Грей быстро шел по кампусу университета Кисангани, словно пришпоренный предчувствием неминуемой катастрофы. За годы в армии он научился доверять своей интуиции. Коммандер осмотрелся по сторонам, словно пытаясь определить, отчего у него так разболтались нервы.

Солнце ярко поднималось над новым днем, дочи́ста выметенным ночными грозами. На небе все еще висели густые тучи с темными космами дождя по краям, отбрасывая на землю густые тени, но над залитыми солнечным светом коричневыми просторами джунглей за рекой

Конго играли разноцветные радуги. Прогноз обещал перерыв в муссонных грозах – по крайней мере, на ближайшую пару дней.

Грей и остальные приземлились в международном аэропорту ровно час назад. Директор Кроу уже ввел их в курс дела относительно ночных событий, поведав и о налете неизвестных на лагерь беженцев ООН, и о том, что Такеру Уэйну удалось спасти нескольких выживших. Чтобы расследовать нападение, туда еще до рассвета вылетело подразделение конголезских военных – буквально за несколько минут до того, как приземлился самолет с отрядом «Сигма». Пейнтер и Кэт постоянно отслеживали ситуацию и должны были сразу сообщить, как только что-нибудь узнают.

А тем временем группу Грея направили в университет, чтобы основать оперативную базу и подготовить группу к ее собственному расследованию – как похищения медицинской бригады «Врачей без границ», так и возможного заражения, распространяющегося по Центральной Африке. Пирс представил себе, как заболевание наносит удар здесь, в городе с почти двухмиллионным населением, куда из удаленных районов стекается все больше и больше беженцев.

Кисангани располагался на слиянии главных водных путей региона. Именно здесь все основные реки и их притоки – Люалаба, Чопо и Линди – сливались воедино, образуя могучую Конго, самую глубокую реку в мире и лишь вторую по водности⁴⁰ после Амазонки. Город в джунглях, основанный в 1883 году Генри Муртоном Стэнли и до 1966 года носивший название Стэнливилль, отмечал самую дальнюю судоходную точку в Конго. Хотя поначалу исследователь назвал это место Водопадной станцией Стэнли – из-за целой цепи водопадов, блокирующих дальнейшее продвижение по воде. Приглянулось оно ему еще и тем, что все вымываемое из джунглей неизбежно оказывалось здесь.

Это также означало, что если в этом регионе и вправду распространялось какое-то неизвестное заболевание, то Кисангани оказывался у него в самом перекрестье прицела.

– Похоже, это вот тут, – произнес Монк, прерывая беспокойные мысли Грея. Его товарищ по группе показывал сложенной картой кампуса на трехэтажное здание светло-коричневого кирпича, в котором располагался факультет естественных наук.

Именно здесь группа и планировала устроить свой штаб. Такер с доктором Уитакером прибыли сюда ночью и уже успели развернуть мобильную лабораторию.

– По крайней мере, на вид не какая-то развалина, – пробурчал Ковальски, явно раздраженный тем, что пришлось подняться в такую рань, да еще и остаться без завтрака.

По дороге из аэропорта они долго пробирались сквозь забитый транспортными пробками город, полный вконец обветшавших, запятнанных сажей и разрисованных граффити колониальных зданий. Однако на улицах повсюду кипела жизнь, полная энергии и буйства по-африкански ярких красок – особенно вокруг центрального рынка, пристроившегося по соседству с красивым старинным собором.

Лиза прикрыла глаза ладонью от солнца, изучая место, в котором им предстояло обосноваться.

– Не переживай. Пару лет назад это здание практически полностью перестроили. В том числе оборудовали здесь изолятор третьего класса биологической защиты. Который нам может понадобиться, прежде чем все это закончится.

– Учитывая то, с чем мы можем столкнуться, – заметил Монк, – меня куда больше устроил бы четвертый класс защиты – то, что способно противостоять самым лютым инфекциям.

Лиза затолкала несколько выбившихся прядок светлых волос за ухо.

⁴⁰ Водность – объем воды, проносимый рекой с ее бассейна за определенный отрезок времени (месяц, сезон и т. д.).

– А вот доктор Уитакер настроен довольно оптимистично касательно имеющихся здесь ресурсов. Вдобавок, у него есть коллега в Габоне, который обещал доступ к модулю четвертого класса защиты, если это действительно будет необходимо.

Грей вздохнул.

«Сойдет и это, пока мы не узнаем больше».

И все же со следованием основному принципу «Сигмы» – всегда быть первыми – на сей раз вышла осечка. Припомнился рассказ Пейнтера про нападение и похищения в лагере ООН. Это не могло быть простым совпадением. Несмотря на все усилия «Сигмы»...

«Кто-то тут нас опередил».

Когда группа Грея подошла к зданию факультета, стеклянные двери перед ними открыла знакомая фигура.

– Похоже, вся шайка опять в сборе, – объявил Такер.

Четвероногий напарник армейского рейнджера тоже выбрался на крыльцо поприветствовать их. Помахивая пушистым хвостом, Кейн ткнул Ковальски носом в промежность.

Здоровяк оттолкнул пса.

– Тоже рад тебя видеть, дружок... Просто не *настолько* рад.

Последовали быстрые рукопожатия и похлопывания по мохнатому боку.

Такер махнул им на двери.

– Фрэнк устроился на верхнем этаже. Вам предстоит много чего услышать.

Он быстро повел их группу через здание общей площадью в тридцать тысяч квадратных футов. Несколько студентов проводили их любопытными взглядами, особенно приметив собаку. Поднялись на третий этаж, на котором размещались различные лаборатории и рабочие кабинеты, и наконец подошли к прочной двери с кодовым замком.

– Место только наше, – сообщил Такер, нажимая на подсвеченные клавиши. – Благодаря связям нашего директора.

Отперев дверь, он провел их в большое рабочее пространство с рядом окон, выходящих на реку. Это была явно биологическая лаборатория, оборудованная центрифугами, микроскопами, спектрометрами и хроматографами. Вдоль стен выстроились застекленные шкафы с лабораторной посудой и шеренги высоких холодильников и морозильников из нержавеющей стали, между которыми втиснулся инкубатор со стеклянной передней панелью.

Монк и Лиза изучали обстановку одновременно с любопытством и завистью, особенно длинный стол, разделяющий помещение. На нем красовался набор лабораторного оборудования, рядом с которым вполне органично смотрелся бы безумный профессор из какого-нибудь научно-фантастического фильма – трубки, колбы, реторты, набор помеченных этикетками пробирок с реактивами... На краю стола пристроился ноутбук, на экране которого крутилась заставка какой-то биоинформационной программы в виде стилизованной спирали ДНК.

Лиза показала на монитор.

– Это генетический банк НЦБИ⁴¹ – база данных большинства известных генетических последовательностей.

«Похоже, все это добро доктора Уитакера».

Грей перевел взгляд влево, где большие окна выходили в соседнее помещение, которое отделял небольшой шлюз, увешанный костюмами биологической защиты – судя по всему, там и располагался упомянутый карантинный блок.

Такер повел группу Грея в противоположную сторону, где стояли две фигуры в лабораторных халатах. Пара склонялась над накрытым колпаком вытяжки длинным столом, пристроенным вдоль дальней стены. Доктор Фрэнк Уитакер коротко кивнул подошедшим опера-

⁴¹ НЦБИ (англ. NCBI, National Center for Biotechnology Information) – Национальный центр биотехнологической информации.

тивникам «Сигмы». Молодой человек рядом с ним, пониже ростом, оказался Бенджамином Фреем, аспирантом из Великобритании, работавшим в джунглях над кандидатской диссертацией, когда там разразился весь этот ад, про который все уже были в курсе.

Пока Такер представлял друг другу собравшихся, аспирант неловко переминался с ноги на ногу, явно испытывая дискомфорт при виде такого количества незнакомых людей.

Фрэнк сохранял невозмутимость, хотя держался вроде как несколько настороженно.

– Мы как раз собирались подготовить кое-какие образцы для анализа, – сообщил ветеринар. – У меня ушла бо́льшая часть ночи, чтобы разгрузить и собрать мою лабораторию. Пожалуй, стоило бы хотя бы часок поспать.

Лиза придвинулась ближе.

– Образцы откуда? – спросила она. – Я думала, вы так и не попали в лагерь.

Фрэнк повернулся к аспиранту.

– Да вот Бенджи удалось собрать несколько особей, прежде чем лагерь подвергся нападению... Давайте я вам покажу.

Грей и остальные столпились вокруг стола под вытяжкой.

Бенджи обхватил себя руками за грудь.

– Я... нескольких особей я потерял. Выронил где-то, или разбились пробирки, но несколько штук все-таки удалось сохранить.

Грей присмотрелся к трем пробиркам, вертикально стоящим в держателе. Две казались пустыми, пока по боку одной не поползла вверх какая-то крошечная красновато-черная букашка. В третьей содержалось большое насекомое с тонкой талией и выпуклым брюшком.

– Мне удалось сохранить несколько куколок кочевых муравьев, солдата и королеву колонии, – объяснил Бенджи.

Монк нахмурился.

– Муравьи? Я слышал, что на лагерь был их набег, но все равно не пойму, какое отношение могут иметь муравьи к потенциальному патогену, за которым вы охотитесь.

– Может, и никакого, – признал Фрэнк. – Но Бенджи уверяет, что муравьи там вели себя необычно, крайне агрессивно. Он также заметил, что во время этого набега несколько разных подвидов этого рода передвигались в одной колонне, что тоже является странным для них поведением. А потом на лагерь напали бабуины. Такая свирепость атипична для данного вида. Так что это заставило меня призадуматься, нет ли тут какой-то связи – некоего единого фактора, объединяющего все эти недавние события.

– Муравьев и необъяснимую кататонию у людей? – спросил Монк.

На помощь Фрэнку пришла Лиза:

– Насекомые часто являются переносчиками различных заболеваний. Москиты, мухи, клещи, блохи... Доктор Уитакер прав. Это явно то, что первым делом следует исключить.

Тот кивнул.

– А потом, нам все равно больше нечего анализировать на данный момент. По крайней мере, такая предварительная работа поможет мне откалибровать оборудование.

Такер перебил его:

– Фрэнк, тебе обязательно нужно поделиться тем, что ты мне недавно рассказывал. Хотя мне ни к чему выслушивать это еще раз. У меня от твоих рассказов и без того мороз по коже. А тем временем мы с Кейном приведем еще двоих, которых ты должен выслушать. Они легли покемарить в соседнем кабинете.

Такер направился к двери.

Когда он вышел, Грей повернулся к ветеринару.

– Так что вы можете нам рассказать?

Фрэнк нахмурился, лицо у него пошло морщинами от беспокойства.

– Не исключено, что мы имеем дело с «Заболеванием Икс»⁴².

6:28

Монк склонился над муравьиной королевой, копошащейся в пробирке. Он уже не раз слышал про «Заболевание Икс» – неведомое чудище, которого опасались все специалисты в области здравоохранения. Имелся в виду теоретический и пока неизвестный ученым возбудитель опасного заболевания, применительно к которому у современной науки не имелось ни превентивных мер, ни методов лечения, и которое могло очень быстро распространяться. После последней пандемии эпидемиологи уже ожидали очередного подобного сюрприза.

«Может ли происходящее в регионе оказаться вспышкой как раз такого заболевания?»

Он припомнил озабоченность Кэт касательно характера распространения – ее предположение, что патоген может разноситься ветром по воздуху. Если это так, то это будет бедствие, равного которому еще не знал мир.

Пока Фрэнк объяснял все это группе, Монк изучал огромного муравья. Тот был длиннее с его большой палец и казался мертвым. Вытянув палец, Коккалис легонько постучал по пробирке. Муравей тут же стал корчиться, зацарапал лапками по стеклу и зашевелил усиками, показывая, что жив.

Поежившись от отвращения, Монк сжал пальцы в кулак и отдернул руку.

Аспирант, который добыл муравьиную королеву, заметил его внимание и бочком придвинулся к нему.

– А можно... можно спросить? – произнес Бенджи явно извиняющимся тоном. – Как вы потеряли руку?

Коккалис опустил взгляд на свой сжатый кулак. Парнишка оказался довольно наблюдательным. Лишь немногие замечали, что вместо одной кисти у него протез.

Искусственная рука представляла собой высокотехнологичную разработку УППОНИР, и главной задачей разработчиков было сделать ее практически неотличимой от настоящей. Даже Монк частенько об этом забывал. Это была новейшая военная технология: в соматосенсорную кору головного мозга ему имплантировали экспериментальный нейрокомпьютерный интерфейс – микроэлектронные массивы размером с ноготь, благодаря которым Коккалис мог контролировать нейропротез при помощи мысли и даже «чувствовать» предметы на ощупь. Вообще-то выращенная в лабораторных условиях кожа оказалась гораздо более чувствительной, чем его собственная.

Но и это было еще не все.

Потянувшись к запястью, Монк отстегнул манжету, которую удерживали намагниченные контактные точки, и положил протез на стол под вытяжкой. Мысленно приказал руке приподняться на кончиках пальцев и ползти к парню. Это был фокус, который откровенно пугал большинство людей.

Однако Бенджи попросту склонился ближе.

– Беспроводная обратная биосвязь... Круто.

Монк поставил протез обратно, как впечатленный познаниями молодого человека, так и слегка разочарованный тем, что его трюк на сей раз не удался.

«Ох уж эта нынешняя молодежь...»

⁴² «Заболевание Икс» – название-заменитель, которое было принято Всемирной организацией здравоохранения в феврале 2018 г. применительно к некоему гипотетическому неизвестному патогену, который может вызвать будущую пандемию. Ученый, одним из первых обнаруживший вирус Эболы – профессор Жан-Жак Муембе-Тамфум, – предупредил, что миру грозит новая масштабная эпидемия, которая может возникнуть из-за массовой вырубке лесов в Африке. Муембе-Тамфум считает, что будущие пандемии будут обусловлены вирусом, способным распространяться столь же быстро, как и коронавирус SARS-CoV-2, вызывающий COVID-19. Появление новых патогенов ученый назвал угрозой для человечества. Эту новую, крайне заразную и смертельную болезнь он условно назвал «Заболеванием Икс».

Бенджи опять переключил внимание на свои образцы.

– А вы в курсе, что биомасса муравьев в мире равняется нашей собственной? А значит, они занимают столько же места на планете, что и мы.

Монк попытался перестроиться на эту неожиданную перемену темы.

– Нет, я этого не знал.

– И они намного умней и искусней, чем может представить себе большинство людей. Взять хотя бы муравьев-листорезов, которые ведут себя как крошечные фермеры. Например, выращивают грибы, выделяя антибиотики, способствующие росту грибницы. И большинство видов умеют ориентироваться в пространстве, используя магнитное поле Земли. Вообще-то мезэнцефалон – средний мозг у насекомых – не так уж сильно отличается от нашего, особенно у больших королей вроде этой, что в определенной степени наделяет их самосознанием и даже позволяет им испытывать определенный набор эмоций.

– У насекомых есть эмоции? – Монк припомнил короткую характеристику, которую дал им директор Кроу касательно этого парнишки, не забыв упомянуть и про легкую степень аутизма.

«Интересно, не в этом ли источник интереса Бенджи к эмоциональному миру вокруг него?»

– Именно так, – настаивал тот. – У насекомых есть рудиментарные эмоции. И, вне всякого сомнения, они способны испытывать страх. И гнев. – Молодой человек наконец поднял на него взгляд. – Когда-нибудь приходилось разворошить гнездо шершней?

– Мысль понятна.

– Также они демонстрируют и некоторую степень эмпатии.

– Эмпатии? Правда?

Монк изучал профиль Бенджи, пока молодой человек присматривался к муравьиной королеве. Многие уверены, что люди с аутизмом лишены способности к сопереживанию, но это не так. Скорее, им просто нелегко интерпретировать эмоциональные отклики окружающих. И можно лишь представить, какие сложности это создает в жизни.

Бенджи кивнул.

– Муравьи матабеле – которые тоже относятся к роду кочевых муравьев – выносят раненых с поля боя после набега на термитники. А потом ухаживают за ними, пока тем не станет лучше. Как и воинственный африканский народ матабеле, в честь которого они названы. Вообще-то исследователи приходят к мысли, что такой сложный внутренний мир и является одной из причин, по которой насекомые выработали столь удивительные стратегии выживания.

Монк чувствовал, что парень подходит к сути дела.

Бенджи прикоснулся к пробирке с сидящей внутри королевой.

– Так что не стоит их недооценивать. – Он бросил взгляд на Монка. – Я полностью согласен с доктором Уитакером. Все они – явно часть всего происходящего, хотя пока и непонятно, каким образом.

Монк выпрямился, наконец дождавшись, когда этот юноша все-таки изложит свою позицию, пусть и довольно окольным путем. Потом бросил взгляд на доктора Уитакера, который явно не решался сделать то же самое, – с гораздо большей тоской на лице.

Судя по тому, как Фрэнк поглаживал пальцем переносицу, Лиза основательно его загрузила. Она сумела бы выжать информацию даже из камня, если б сочла, что это поможет решению какой-либо проблемы.

«Добро пожаловать в мой мир, старина».

Лиза хмуро посмотрела на доктора Уитакера, чувствуя, что тот едва терпит их присутствие – вмешательство посторонних людей, а тем более женщины. Большей частью он общался с Греем, уделяя внимание в первую очередь его вопросам.

Ветеринар-вирусолог явно обладал острым умом, но и у него имелись свои «слепые зоны», отдельные предрассудки и предубеждения, наверняка укоренившиеся за годы военной службы, которая всегда была «клубом мальчиков» – хотя не сказать, чтобы научный мир был в этом плане хоть сколько-нибудь лучше. Лиза воевала с этим мужским шовинизмом еще с медучилища. Но тем не менее сдаваться не собиралась.

Не способствовало взаимопониманию и то, что доктор Уитакер был типичным полевым исследователем – человеком, который привык работать в одиночку, при минимальном надзоре со стороны или же полном отсутствии такового.

«Но только не на сей раз».

Лиза продолжала нажимать на него.

– Доктор Уитакер, почему вы так убеждены, что в данном случае мы можем иметь дело с «Заболеванием Икс»?

Фрэнк лишь тяжело вздохнул.

Она подняла руку.

– Я вовсе не хочу сказать, что это не так, – просто прошу вас поделиться тем, что именно наводит вас на такую мысль.

Повернувшись к окну, Фрэнк махнул куда-то за реку Конго.

– Вот из-за этого. Из-за джунглей. Мир по-прежнему обеспокоен биологическим оружием – тем, что созданный в военных целях штамм может быть намеренно выпущен или же самовольно вырвется из какой-нибудь военной лаборатории. Но тропические леса – это куда как более коварные биологические лаборатории матери-природы. В такой среде конкуренция за ресурсы чрезвычайно сильна, и участвует в ней практически бесконечное число видов – позвоночные, беспозвоночные, растения, микробы, все из которых желают выжить. Эта борьба поддерживает постоянную химическую и бактериологическую войну, гораздо более напряженную, чем на любом поле битвы. Чтобы вести эту войну, мать-природа экспериментирует с эволюцией, играет с формой и размерами тел. И это лишь то, что лежит на поверхности. На микроскопическом уровне все это происходит куда более интенсивно. Именно там она выковывает свое самое смертоносное оружие. И в какой-то момент мать-природа неизбежно нацелит этот микробный арсенал против нас. А когда это произойдет, оружием, которое она выберет, будет как раз *вирус*.

– Почему именно вирус? – спросила Лиза.

– Это вопрос численного превосходства, доктор Каммингс. Вирусов в миллионы раз больше, чем звезд во Вселенной, что делает их наиболее распространенной формой жизни на планете. Это если вы вообще можете назвать вирусы живыми существами.

Грей нахмурился.

– В каком это смысле?

Фрэнк опять сосредоточился на командере.

– Может ли обрывок способной к воспроизведению ДНК или РНК – тот, у которого нет собственного источника энергии и который не способен размножаться за пределами организма-«хозяина» – быть классифицирован как живой организм? Для многих вирусы по-прежнему остаются некоей неопределенной промежуточной формой между живым и неживым, между химией и жизнью. Лично я склоняюсь к мнению другого своего коллеги, который описывает вирусы как некую форму «жизни взаймы», основываясь на их зависимости от живых клеток «хозяина». Но численный перевес существующих вирусов – это лишь наименьшая из их угроз.

– Это еще почему? – спросила Лиза, вновь привлекая внимание Уитакера. – Что может быть большей угрозой, чем способность находиться буквально повсюду?

– Способность к постоянному изменению, – ответил Фрэнк. – Помимо своего изобилия, вирусы – это чуть ли не основные двигатели эволюции. Это крошечные машинные станции матери-природы – инструменты, которые она использует для генетических изменений. Вирусы мутируют в стремительном темпе, в миллионы раз быстрее нас. Они постоянно изобретают новые гены и тут же распространяют их направо и налево – гены, которые захватывают ДНК их «хозяев» и становятся их неотъемлемой частью. Мы – всего лишь продукт вирусных инвазий.

– Уж вы-то точно, – вполголоса пробурчал Ковальски.

– Все мы до последнего человека. Уже давно известно, что значительная доля нашего избыточного и вроде бы совершенно бесполезного кода ДНК – это на самом деле обрывочные фрагменты вирусных генов, которые внедрились в наш собственный геном и стали передаваться дальше.

– Наследуемые мутации, – добавил Бенджи, когда они с Монком присоединились к остальным.

– Совершенно верно. Некогда мы думали, что настолько «загрязнена» лишь незначительная часть нашего генетического кода – где-то около восьми процентов, что все равно очень много. Но даже эта цифра постоянно ползет вверх по мере того, как мы продолжаем сравнивать наш геном с генетическими последовательностями различных вирусов – как уже известных науке, так и недавно открытых учеными. В обзоре, опубликованном в две тысячи шестнадцатом году в журнале «Клетка»⁴³, истинная доля оценивалась аж в восемьдесят процентов. И все же восемь там или восемьдесят, теперь мы знаем, что многие из этих генов, приобретенных от древних инвазий, отнюдь не бесполезны, а жизненно важны для того, что мы из себя представляем. Без этих прошлых вирусных инфекций человечества сегодня просто не существовало бы.

Грей нахмурился.

– В самом деле?

– Он прав, – ответила Лиза, перебивая вирусолога. – Последние генетические исследования дают объяснение тому, почему эмбриональные стволовые клетки являются полипотентными, то есть могут трансформироваться в любую другую живую клетку, – происходит это благодаря деятельности гена HERV-H, который внедрился в человеческий геном из кода одного древнего ретровируса⁴⁴. Так что развитие эмбриона было бы просто неосуществимо без этой прошлой вирусной инвазии.

Фрэнк выпрямился.

– А если перескочить к относительно недавним этапам человеческого развития, то нельзя не упомянуть еще один вирус, который сделал нам самый большой подарок из всех прочих – одарил нас разумом.

Ковальски скривился.

– Вы хотите сказать, что грипп сделал нас умными?

Фрэнк пропустил этот вопрос мимо ушей.

– Давно доказано, что ген ARC – цитоскелетно-ассоциированный белок⁴⁵ – был приобретен четвероногими животными много тысяч лет назад как раз путем включения фрагмента вирусного кода. Этот ген имеет ключевое значение для функционирования межнейронных синапсов, закладывая основу для долгосрочной памяти и способности к обучению. Аномалии с этим геном, как правило, выявляются у людей с различными неврологическими расстройствами, даже у страдающих аутизмом.

⁴³ «Клетка» (англ. Cell) – рецензируемый научный журнал, публикующий результаты исследований о различных формах жизни, основанный в 1974 г.

⁴⁴ Ретровирусы (от *лат.* retro – «обратный») – семейство РНК-содержащих вирусов, заражающих преимущественно позвоночных. Наиболее известный и активно изучаемый представитель – вирус иммунодефицита человека.

⁴⁵ ARC (или Arc) – activity-regulated cytoskeleton-associated protein (англ.).

Тут Фрэнк покосился на Бенджи, явно испытывая неловкость оттого, что поднял эту тему. Но молодой человек оставался совершенно невозмутимым.

Лиза воспользовалась моментом, чтобы опять вмешаться в разговор:

– Вирусные гены также играют важную роль и в нашей иммунной системе. Даже при борьбе организма с раком. У переболевших гриппом пациентов с лейкемией наблюдается существенное уменьшение числа раковых клеток.

Она внимательно изучила результаты подобных исследований из-за недавнего диагноза Ковальски, надеясь найти альтернативное лечение для его миеломы. Ученые не оставляли попыток поставить вирусы на службу в деле борьбы со злокачественными опухолями – использовать их, чтобы подстегнуть наш иммунный отклик на появление раковых клеток.

– Я этого не знал, – признался Фрэнк, не без уважения склонив голову.

Лиза великодушно приняла этот жест почтения – даже оценила его. На попытки затмить их многие мужчины часто реагируют довольно болезненно, но, по крайней мере, доктор Уитакер не относился к их числу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.